

УДК 165

Концептуальные контуры деонтологической экспликации принципа эпистемической обоснованности

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье раскрываются категории и принципы деонтологической концепции обоснования, которая восходит к традициям классической теории познания и является предметом критической рефлексии в современной эпистемологии. По критериям, заданным на основе этой концепции, убеждения следует считать эпистемически обоснованными, если (и только если) при формировании и поддержании этих убеждений субъект безупречно следует «императивам», «разрешениям» или «запретам», установленным, исходя из норм, регулирующих доксастическую сферу познавательного целесообразным образом; именно показатели ответственного отношения субъекта к интеллектуальным обязательствам и безупречного выполнения эпистемического долга становятся критериально значимыми для определения того, насколько поддерживаемые субъектом убеждения являются обоснованными. Анализируются две основные концептуальные формулы деонтологического обоснования: проскриптивно-разрешительная и деонтически-оценочная, определяются их достоинства, ограничения и сферы применимости. Рассматриваются различные подходы к определению содержания интеллектуальных обязательств, включая классический и модифицированный эвиденциализм, рефлексивный подход и экспансионистскую стратегию. Ставится вопрос о необходимой связи между обязательствами в субъективном смысле и объективным долгом человека как разумного познавателя. Критический анализ выявляет ограничения и деонтологической концепции, включая проблему соотношения долженствования и возможности – проблему доксастического волюнтаризма, а также проблему истинностной проводимости деонтологического обоснования, обсуждение которой проводится в русле демаркации интерналистских и экстерналистских подходов. Показано, что эпистемологическая значимость деонтологической концепции состоит не в обеспечении гарантий истины, а в формулировке регулятивного этоса познавательной деятельности. Обосновывается эпистемологическая состоятельность деонтологической модели через её интерналистскую релевантность, нормативную адекватность, когнитивную реалистичность и транскультурную применимость.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Концептуальные контуры деонтологической экспликации принципа эпистемической обоснованности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 5А. С. 3-38.

Ключевые слова

Деонтологическая концепция эпистемического обоснования, субъект познания, рациональная агентность, доксистические установки, интеллектуальные обязательства, эпистемические нормы, доксистический волюнтаризм, истинностная проводимость.

Введение

Классические теоретики познания и некоторые постклассические эпистемологи (даже те из них, которые в поиске решения проблемы Геттиера стали пересматривать традиционную модель анализа знания в терминах истинности и обоснованности убеждений) выделяли именно *условие обоснованности* как одно из необходимых условий трансформации убеждений, обладающих истинностным содержанием, в знание, но истолковывали это условие с разных теоретических позиций. Основные подходы к разработке концепции эпистемического обоснования определились через расхождение позиций интернализма – экстернализма, конкуренцию различных представлений о роли доксистических и внедоксистических факторов и значении доксистической и пропозициональной обоснованности, а также через дивергенцию позиций фундаментализма, когерентизма и инфинитизма в отношении структуры обоснования и осмысление роли индуктивных, дедуктивных и абдуктивных методов в обосновании разных категорий убеждений, представлений и теорий на различных этапах и уровнях познания. В этом эпистемологическом полемосе, представляющем рассмотрение проблемы эпистемического обоснования с различных теоретических позиций, проявилось и более общее расхождение категориального плана, характерно обозначившееся в альтернативных подходах к определению и истолкованию самого понятия эпистемического обоснования.

Относительно пролиферации категориальных оснований эпистемологии особенно показательным является парадигматическое различие *деонтологического подхода* к раскрытию нормативного содержания понятия обоснования, который в классическом виде имплицитно подразумевает приверженность интернализму, с различными *недеонтологическими подходами*, которые непосредственно не связывают достижение обоснованности с исполнением познавательного долга, ответственным отношением к интеллектуальным обязательствам или безупречным следованием нормам, но вводят иные – недеонтические, объективно-оценочные критерии, используемые для выделения оснований, условий и факторов, которые повышают вероятность или непосредственно свидетельствуют в пользу того, что убеждения по своему содержанию являются истинными (примерами являются принципы базируемости убеждений на адекватных эвиденциально значимых основаниях, холистической или реляционной когерентности, продуцируемости надежными когнитивными процессами, контрфактуальной чувствительности к истине, надлежащей функциональной основательности в рамках телеологически определенного дизайна когнитивных способностей т.д.).

Предрасположенность к деонтологическому пониманию обоснования в классических программах нормативной эпистемологии представляется вполне оправданным и целесообразным, поскольку *анализ обоснования в терминах выполнения эпистемического долга и ответственного отношения к обязательствам, предмет которых определяется системой норм и «правил для руководства ума»*, оптимально вписывается в проект решения важнейшей задачи эпистемологии, а именно – демонстрации значимости эпистемических норм, регулирующих рациональный отбор убеждений исходя из условий обращения их в знание, и

экспликации принципов познавательно целесообразной доксистической дисциплины. Однако это вовсе не означает, что нормативные импликации принципов эпистемологических теорий могут быть раскрыты посредством редуктивного анализа, которые предполагает использование понятий, получающих определения исключительно в деонтологической парадигме и, следовательно, индуцирующих приверженность деонтологическому подходу.

Идея деонтологического обоснования в эпистемологии

Основополагающим для деонтологических подходов в эпистемологии является представление, что (а) познавательная деятельность в своих ключевых моментах является формой сознательной активности субъекта (что отражает англоязычный термин «agency»), способного формировать и оценивать свои убеждения («деонтологи рассматривают формирование убеждений как форму действия» [Steup, 2012, 465], подлежащего сознательному контролю, предельные формы которого обозначаются термином «доксистический волюнтаризм»), и что (б) эта деятельность подлежит целесообразной нормативно основательной регуляции (что соответствует прикладной - нормативно-руководящей функции теории обоснования), - принятие этих допущений само по себе не имплицирует приверженность деонтологическому подходу, но служит предпосылкой для того, чтобы осмысленно ставить вопрос об *эпистемическом долге, интеллектуальных обязательствах и ответственности* субъекта познания. Когда в этой регулятивно-деонтологической парадигме оценивается эпистемический статус убеждений, а именно - их обоснованность, при этом убеждения рассматриваются как элементы формируемой и контролируемой субъектом доксистической сферы, поставляющей содержательные ресурсы знания, то применяется именно деонтологический подход в теории познания (и специфически – в теории обоснования).

Эпистемический деонтологизм в теории познания в самом общем смысле утверждает релевантность для оценки эффективности познавательной деятельности таких (собственно, «деонтических») показателей как *выполнение субъектом эпистемического долга*, ответственное отношение к *обязательствам*, подобающих статусу рационального познающего агента, - обоснованность определяется по такому критерию как *достижение состояния безупречности* - согласованности позиции субъекта в отношении к формируемым или поддерживаемым убеждениям с тем, что положено через систему «императивов», «проскрипций» и «лицензий», которые определяются на основе *норм и правил*, регулирующих доксистическую сферу познавательно целесообразным образом.

В парадигмах эпистемического деонтологизма *рациональность* познавательной деятельность получает нормативное расширение и восполняется определенным этосом («этикой убеждений», по выражению У. Клиффорда [Clifford, 1987, 19-36]), т.е. совмещается с *правильностью*, понимаемой как дисциплина формирования и поддержания субъектом комплекса убеждений, исходя из эпистемически значимых целей. Эпистемическая этика убеждений задается через систему нормативно основательных ограничений - адресованных субъекту *требований, запрещений и разрешений* (предполагается, что установление для субъекта обязательств и вменение ответственности правомерно при условии соблюдения принципа «Debes, ergo potes» («Должен, значит можешь»), сообразование с которыми (т.е. ответственный подход к формированию и поддержанию убеждений) представляется фактором такой организации деятельности субъекта и формирования такой дисциплины в отношении к собственным убеждениям, которые наиболее благоприятны для реализации базовых

познавательных ценностей, утверждаемых исходя из понимания того, что в природе убеждения заключена интенция на истину (*аксиологический аспект*), и способствуют достижению эпистемических целей (*телеологический аспект*) - максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем массиве убеждений (регуляция и перификация доксистической сферы производится с интенцией на такое культивирование убеждений, которое оптимизирует условия конвертации убеждений в знания).

Концептуальная матрица эпистемико-деонтологического подхода

Деонтологический компонент преобладал в ряде классических эпистемологических теорий как на уровне понятий, так и на уровне принципов, которые были внедрены в основания концептуализации познания.

На категориально-понятийном уровне ряда теорий познания, ориентированных на осмысление условий знания с учетом перспективы субъекта и его сознательных практик, *деонтологический подход* выразился в описании дисциплины познавательной деятельности посредством использования эпистемологически адаптированных понятий *долга, обязательств, разрешений (прав) и ограничений*, с которыми соотносятся оценочные понятия, применяемые для квалификации исполнения должного в познавательной сфере и/или выражающие ответственность (соответственно, «безупречность» или «предосудительность» позиции) субъекта познания за те убеждения или теории, которые он формирует или которых придерживается, исходя из общей цели достижения знания. Для ряда классических теоретиков познания, включая Декарта и Локка, вполне естественным было понимание терминов «обоснованный», «обоснование» и родственных им терминов в деонтологическом смысле, а именно – через отношение к таким категориям как долг, обязательство, выполнение требований, соответствие разрешениям или запрещениям, безупречность или предосудительность в отношении того, как субъект следует долгу разумного существа.

Анализируя категориальные основания деонтологической концепции обоснования, У. Олстон выделяет «требование», «запрещение» и «разрешение» как «основные деонтологические понятия» и рассматривает «долженствование» и «обязанность» как частные случаи требований, а такие понятия как ответственность, виновность, заслуженность осуждения, достоинство похвалы, безупречность и другие подобные им понятия - как нормативные производные от соответствия (или несоответствия) установленным требованиям, запретам и разрешениям». [Alston, 1988, 257].

На уровне критериально-значимых принципов деонтологический подход выразился главным образом в том, что в систему релевантных критериев оценки эпистемических достоинств убеждений, которые традиционно связывались с обоснованностью, вводятся специфические *индикаторы сознательной реализации субъектом должного отношения к собственным пропозициональным установкам*, т.е. индикаторы соответствия практикуемого способа обращения с доксистической сферой системе *требований, ограничений, разрешений*, представляющих для субъекта сферу *должного* и, следовательно, задающих дисциплину формирования и поддержания убеждений в рамках общей интенции на обретение и расширение знания.

Таким образом, в деонтологической парадигме достижение положительного эпистемического статуса убеждений, важнейшим измерением которого является обоснованность, представляется функцией сознательного определения доксистических установок (и выстраивания отношения к пропозициям как предметам возможных убеждений) в

границах определенного рода *интеллектуальных обязательств*, вытекающих из *эпистемических норм, правил и принципов*, которые предназначены для регулирования активности субъекта, направленной на формирование и преобразование убеждений, исходя из условий обращения последних в знание.

Эпистемологически основательные подходы к определению содержания интеллектуальных обязательств, составляющих долг субъекта познания

Содержание обязательств, исполнение которых является показателем ответственного подхода к культивированию (формированию, отбору и поддержанию) убеждений, определяется исходя из *эпистемических норм* – регулятивных конститuentов доксистической дисциплины, выделяемых в рамках эпистемологических теорий или методологических подходов, основное предназначение которых – не только давать критерии оценки познавательной ценности (истинностной значимости) содержания убеждений, но и обеспечить надежное руководство в плане определения того, во что верить и что принимать за истину.

Регулятивно-нормативная матрица, сообразно которой определяется предмет должностования, эксплицируемой через комплекс вменяемых субъекту обязательств, может выстраиваться в разных эпистемологических парадигмах, инкорпорирующих, как правило, интерналистские подходы в теории обоснования как наиболее совместимые с деонтологизмом.

Одной из таких парадигматических теорий является эвиденциализм [Feldman and Conee, 1985, 15-34]. Примерами совмещения деонтологизма с эвиденциализмом являются подходы Р.Фельдмана и М. Стиапа к определению содержания интеллектуальных обязательств, предполагающие *деонтологическую интерпретацию эвиденциалистских стандартов и критериев обоснованности*. Эвиденциализм служит теоретической основой выделения класса норм, императивное содержание которых конституирует предмет обязательств, надлежащее исполнение которых определяет деонтологическую обоснованность.

Деонтологическая интерпретация принципов эвиденциализма Р. Фельдмана

В отличие от алеатико-телеологических подходов, которые акцентируют результаты (например, истину или знание), деонтологическая концепция обоснования инкорпорирует принципы процедурной *рациональности*: убеждения обоснованы, если субъект безупречно следует правилам работы с эвиденциальными данными, поскольку эти правила регулятивно выражают условия адекватной базируемости убеждений.

Так, например, Р.Фельдман отвергает инструменталистские и телеологические трактовки эпистемической ценности (например, связь с истиной или знанием) и обосновывает положение, что рациональность — это самостоятельная ценность: максимизация познавательной ценности достигается через принятие доксистических установок, соответствующих свидетельствам, несмотря на то, что содержание их объективно может быть ложным. Обоснованность не имплицитно подразумевает истинность, но дает *эвиденциальные индикаторы вероятной истинности*, на которые следует ориентироваться при определении, какие убеждения поддерживать. Ответственное отношение к культивированию собственных убеждений рассматривается как *интеллектуальная добродетель*. Поэтому, например, агент, верящий в *p* на основе достаточно сильных свидетельств, демонстрирует эпистемическую добродетель, даже если *p* ложно, тогда как истинное, но иррационально поддерживаемое убеждение лишено такой ценности.

Деонтологическая интерпретация базового эвиденциалистского стандарта, которым субъект должен руководствоваться в отношении собственных докастических установок, выражается определением того, что является *должным* для субъекта в условиях актуальной познавательной ситуации, когда субъект рассматривает некоторую пропозицию p как предмет предполагаемого убеждения (принцип O2): «Для любого субъекта S , момента времени t и пропозиции p : если S обладает какой-либо докастической установкой в отношении p в t , и свидетельства S в t поддерживают p , то S эпистемически обязан принять ту установку по отношению к p , которая поддерживается его свидетельствами в t » [Feldman, 2000, 679]. Принцип O2, по сути, объединяет три положения: «если субъект намерен принять какую-либо установку в отношении пропозиции, то он должен верить в неё, если его текущие свидетельства её поддерживают; он должен отвергать её, если его текущие свидетельства её опровергают; он должен воздерживаться от суждения, если его свидетельства нейтральны (или близки к нейтральным)» [Ibid.]. Значение этого принципа для эвиденциалистской спецификации содержания эпистемических норм и определения предмета интеллектуальных обязательств определяется тем, что данный принцип:

- *ограничивает обязанности* только теми пропозициями, которые агент активно рассматривает, избегая проблемы бесконечных логических следствий;
- *исключает тривиальные убеждения*, так как обязанность возникает лишь при наличии активного рассмотрения p .
- *предполагает синхронность*: оценка рациональности зависит от доказательств и свидетельств, доступных агенту в конкретный момент, а не от долгосрочных стратегий сбора эвиденциально значимой информации.

Фельдман эксплицирует деонтологическую обоснованность, определяя содержание обязательств не с позиций *деятельностной безупречности*, которую выделял Р. Ауди и специально рассматривали Дж.Хейл и Х.Корнблит [Kornblith, 1983, 33-48], а с позиций *синхронического эвиденциализма*, обеспечивающего критерии оценки убеждений аспекте их подкреплённости текущими свидетельствами, которыми располагает субъект. Если Р.Ауди, связывая условия возможности утверждения интеллектуальной ответственности субъекта со способностью осуществления *косвенного контроля над убеждениями*, утверждал, что «интеллектуальная ответственность часто требует от нас поиска дополнительных свидетельств» [Audi, 2008, 405], то Р.Фельдман, как и некоторые другие эпистемологи, доказывает, что сбор дополнительной эвиденциально значимой информации может быть вполне рациональным, *морально* или *прагматически* обязательным, но нет оснований полагать, что расширение эвиденциальной базы убеждений составляет предмет особых обязательств, которые были бы равны по силе обязанности субъекта исходить из актуально доступных свидетельств.

Позиция Фельдмана в этом вопросе, как может показаться, когерентна позиции Скотта Стейплфорда и Кевина МакКейна, однако предлагаемая ими модель определения обязательств рационального агента представляет средний путь, пролегающий между *редукционизмом* синхронического эвиденциализма и *экспансионизмом* исследовательского активизма.

Стейплфорд и МакКейн: между синхроническим редукционизмом и деятельностным экспансионизмом

Согласно Скотту Стейплфорду и Кевину МакКейну [Stapleford and McCain, 2021, 113-124], интеллектуальные обязательства, исполнение которых предполагает эпистемически-

ответственный подход к культивированию убеждений, определяются тремя ключевыми принципами.

«*Не все пропозиции*» (*NAP*): Субъект не обязан верить каждому утверждению, соответствующему его свидетельствам, ибо человеческие когнитивные ограничения делают невозможным усвоение бесконечного числа утверждений, вытекающих из имеющихся данных. Принцип «долженствование предполагает возможность» («*Debes, ergo potes*») здесь применяется в номологическом смысле: обязанность существует только если её выполнение физически достижимо [Stapleford and McCain, 2021, 114-116].

«*Обязанность к Рефлексии*» (*DTR*): Субъект имеет обязанность рефлексировать над своими свидетельствами, чтобы его убеждения соответствовали подкрепляющим их эвиденциальным основаниям. Рефлексия над основаниями убеждений, сопровождаемая оценкой их эвиденциальной значимости, необходима для приближения к истине, так как без неё невозможно адекватно оценить, какие убеждения поддерживаются свидетельствами, выполняющими функцию индикаторов истинности. Рефлексия, однако, не ограничивается исследованием существующих свидетельств, реконструкции эвиденциальных оснований и выявлением их импликаций (позиция Стейплфорда), но способна *активно генерировать новые эпистемические ресурсы* (позиция МакКейна). Например, критический анализ внутренних противоречий в имеющихся данных или осознание скрытых логических связей между утверждениями трансформирует саму эвиденциальную (доказательную) базу убеждений и теорий. Признание трансформационной эффективности рефлексии противоречит традиционному эвиденциализму, где свидетельства трактуются как статичный набор фактов, независимых от условий реализации когнитивного потенциала агента. Подход МакКейна, напротив, предполагает, что рефлексия — это динамический акт, расширяющий эпистемический ландшафт за счёт интроспекции и умозаключений [Stapleford and McCain, 2021, 116-121].

«*Отсутствие обязанности к исследованию*» (*NDI*): Субъект не обязан собирать дополнительные свидетельства. Эпистемическая обоснованность зависит исключительно от актуальных данных, выявляемых в процессе рефлексии, а не от действий по их поиску, даже если такие действия могли бы трансформировать состав и улучшить качество убеждений. МакКейн допускает при этом, что субъект, выполняя обязанность размышлять, «может влиять на то, что подтверждается его свидетельствами, поскольку размышление может генерировать свидетельства» [Stapleford and McCain, 2021, 120]. Но обосновывая минимально достаточные требования, описывающие сферу долженствования, эти эпистемологи исключают из этой сферы необходимость проводить дополнительные исследования, направленные на сбор новых данных, которые могли бы привести к пересмотру убеждений, - такое исследование может быть практически целесообразным и морально оправданным но оно не является необходимым условием выявления связи убеждений с основаниями, конституирующей их положительный эпистемический статус. Для понимания того, как отсутствие обязанности к исследованию сочетается с генеративной силой рефлексии, необходимо различать «два основных метода исследования: один предназначен для того, чтобы собирать свидетельства посредством размышлений, а другой - чтобы собирать доказательства из мира. Когда мы говорим, что нет обязанности исследовать (*NDI*), мы имеем в виду отсутствие обязанности исследовать в мире. Но у нас есть обязанность размышлять (*DTR*)» [Stapleford and McCain, 2021, 121]. Отсутствие прямой обязанности проводить дополнительные исследования не означает запрет, но снимает с агента бремя постоянного поиска дополнительных данных, когда отсутствует проблема,

требующая разрешения. В этой парадигме вопросы обоснования рассматриваются независимо от вопросов роста знания. Такое разделение аргументируется принципом прагматической реалистичности: если бы агенты были обязаны бесконечно собирать информацию и пересматривать убеждения, это парализовало бы их способность действовать. Однако DTR сохраняет минимальные требования к рациональности, обеспечивая внутреннюю согласованность убеждений.

Рациональный смысл экспансионистского подхода к определению обязательств

Комбинация деонтологизма с синхроническим эвиденциализмом делает избыточными для оценки убеждений критерии, заложенные в понятии *генетической ответственности*.

Но Х. Корнблит [Kornblith, 1983, 34-37], Р.Ауди и Дж.Бэр [Baehr, 2011, 73, 109-110.] следуя экспансионистской стратегии определения обязательств познающего субъекта, преодолевают редуционистские ограничения классического эвиденциализма и доказывают, что *деонтические оценки должны учитывать также добросовестность формирования убеждений*, а не только их увязываемость с актуальным эвиденциальным базисом. Так, например, Х.Корнблит предлагает рассматривать обоснованное убеждение «как продукт эпистемически ответственного действия, т.е. действия, которое мог бы совершить эпистемически ответственный агент» [Kornblith, 1983, p. 34]. Экспансионистский подход непосредственно коррелирует с базовыми принципами деонтологической эпистемологии. В отличие от экстерналистских моделей (например, релейабилизма Голдмана), где обоснованность редуцируется к каузальной связи между когнитивными процессами и истинностью убеждений, Корнблит акцентирует *нормативно-деятельностный аспект* оценки эпистемического статуса убеждений: обоснованность конституируется не результатом, а *соблюдением регулятивных норм познавательной практики*, что соответствует деонтологическому критерию *безупречности* в исполнении эпистемического долга.

Что же касается эвиденциализма Ричарда Фельдмана, то представленный им анализ понятия обоснования не является классической деонтологической теорией (Кони и Фельдман принципиально не используют аргументы в пользу интернализма, которые основываются на деонтологическом истолковании понятия обоснования [Conee and Feldman, 2004, 53-75], однако в ходе этого анализа намечаются векторы переосмысления деонтологических терминов, которые указывают на концептуальную возможность интегрировать их в эвиденциалистскую модель обоснования. Интеграция деонтологических элементов в эвиденциализм, возможность которой отмечал Бэр [Baehr, 2011, 73], решает несколько важных проблем в теории обоснования:

- *укрепление нормативных оснований*: деонтологический язык подчеркивает, что следование доказательствам — не просто рациональный выбор, а *эпистемический долг*, - это делает требования более категоричными;
- *установление соответствия с деонтическими интуициями*, которые побуждают рассматривать формирование пропозициональных установок как дело исполнения «долга» (например, «ученый должен быть объективен»), - деонтологизация эвиденциализма делает теорию ближе к обыденному пониманию эпистемической практики;
- *защита от релятивизма*: деонтологические рамки задают универсальные стандарты

(«для любого субъекта, который определяется в статусе разумного существа, обладающего когнитивными компетенциями, обязывающим является положение, утверждающее, что при формировании и усвоении убеждений необходимо следовать доступным свидетельствам»), что противостоит релятивистским интерпретациям рациональности.

Умеренный деонтологически модифицированный эвиденциализм М. Стиапа

Стиап также определяет содержание объективных обязательств, составляющих эпистемический долг субъекта, исходя из деонтологической интерпретации эвиденциалистских стандартов, но вносит определенные коррективы в стратегию адаптации этих стандартов к условиям деонтологического обоснования [Steup, 2021, 7-28].

Стиап фокусируется на проблеме определения границ эпистемических обязанностей, подчеркивая необходимость баланса между строгостью следования тому, на что указывают свидетельства, требованиями рациональности и когнитивными ограничениями агента.

Стиап начинает с деонтологической экспликации эпистемических норм, определяемых с позиций классического эвиденциализма, который утверждает:

D1: Если свидетельства не запрещают верить p ($\sim O(\sim Bp)$), то они поддерживают p (Ep).

D2: Если свидетельства поддерживают p (Ep), то S должен верить в то, что p ($O(Bp)$).

В развитии концепции М. Стиапа выделяются несколько ключевых моментов

1. *Критика классического эвиденциализма: проблема выполнимости обязательств.*

Как показывает анализ, проведенный Фельдманом и самим Стиапом, D2 имеет проблемные следствия, так как из Ep следует обязанность верить всем логическим следствиям p (например, $p \vee q$, $p \wedge r$ и т.д.), но это делает эпистемические обязательства невыполнимыми, так как агент не способен верить бесконечному числу тривиальных дизъюнкций. В качестве решения этой проблемы предлагается ограничить D2 только теми пропозициями, которые агент *делает объектом рассмотрения* (Cp): $D2^*: (Ep + Cp) \rightarrow O(Bp)$.

Таким образом, Стиап делает первый шаг в сторону *умеренного деонтологически модифицированного эвиденциализма*: устанавливается релевантность содержания обязательств относительно условий применения эвиденциальных стандартов к тем пропозициям, которые обладают тематически-предметной значимостью. Такое ограничение снимает проблему бесконечности, но создаёт новую — *проблему эпистемической успешности* [Steup, 2021, 9].

2. *Эпистемическая успешность: от формальной поддержки к информативной силе.*

Стиап вводит концепцию *эпистемической успешности* (*felicity*), чтобы отличить формально обоснованные, но информативно бессодержательные убеждения от тех, которые соответствуют *информационной силе свидетельств (доказательств)*. Например, вера в пропозицию «Я голоден или Наполеон голоден» ($p \vee q$) при наличии подкрепляющих свидетельств формально оправдана, но не добавляет ничего к исходному знанию. Такие убеждения нарушают принцип пропорциональности: «верить не больше и не меньше, чем требует свидетельство». Чтобы устранить этот дисбаланс, Стиап модифицирует модель, добавляя *условие успешности* ($F(Bp)$): $D2^{**}: [Ep + Cp + F(Bp)] \rightarrow O(Bp)$ [Steup, 2021, 11].

Теперь субъект *может* («разрешительная» модальность) или *обязан* («обязывающая» модальность) верить в то, что p , и такое разрешение или обязанность возникают только если:

(1) доступные свидетельства поддерживают $p(Ep)$;

(2) агент делает p предметом своего рассмотрения(Cp);

(3) убеждение в том, что p соответствует *информативному содержанию* имеющихся свидетельств (доказательств), и является эпистемически уместным ($F(Bp)$), то есть повышает информативную ценность [Steup, 2021, 11-12].

3. *Деонтологическая обоснованность убеждений* напрямую зависит от выполнения этих условий. Например, вера в тривиальные дизъюнкции, хотя и соответствует доказательствам, не является обязательной из-за отсутствия уместности. Таким образом, обязанность состоит не в том, чтобы механически следовать имеющимся свидетельствам, — ответственный подход к формированию и поддержанию убеждений требует *рациональной селективности*, учитывающей контекст, информационные и эвристические эффекты докастически-продуктивной активности.

4. *Докастическое опущение как четвёртая установка.*

В случаях, где вера в p неуместна (как, например, при тривиальных следствиях), Стиап предлагает ввести *докастическое опущение* — установку, отличную от традиционных веры, неверия или приостановки суждения. Агент, признавая истинность p на основе имеющихся свидетельств, *не включает её в свою систему убеждений*, если это не добавляет информативной ценности. Например, зная, что $p \vee q$ логически следует из p , агент может опустить веру в $p \vee q$, не нарушая эпистемических норм. Эта концепция позволяет избежать парадоксальных обязанностей, не отказываясь от эвиденциалистских принципов [Steup, 2021, 12].

5. *Критика пермиссивизма: опасность радикальной разрешимости.*

Стиап подвергает сомнению *пермиссивистские модели*, допускающие игнорирование свидетельств и доказательств при нулевой практической значимости пропозиции. Ослабление эпистемических норм под влиянием прагматики ведёт к *радикальной разрешимости*: если разрешено не верить p ($\sim Bp$), то при тех же условиях допустимо и верить в его отрицание ($B\sim p$), даже при наличии свидетельств, обеспечивающих надёжную индикацию истинности p (E_p). Радикальный пермиссивизм подрывает саму идею обоснованности, как её понимает деонтологический модифицированный эвиденциализм: разрешается верить в то, что не обладает положительным эпистемическим статусом, т.е. человек освобождается от обязанности поддерживать убеждения на основе адекватных свидетельств истинности [Steup, 2021, 14-16]. Смещение нормативных сфер неприемлемо, так как эпистемические обязательства должны оставаться автономными.

6. *Отношение к телеологии: несоизмеримость эпистемических и прагматических ценностей*

Стиап отвергает телеологические интерпретации эпистемической рациональности, где обязывающая сила норм, индуцирующих интеллектуальные обязанности, всецело зависят от того, насколько следование этим нормам сообразно целям достижения истины. Стиап подчёркивает, что даже при отсутствии у агента стремления к истине, его обязанность — поддерживать докастическую дисциплину, основное требование которой — при формировании и отборе убеждений выделять эвиденциально значимые факторы и полагаться на доступные свидетельства. Однако в исключительных случаях (например, угроза жизни) он допускает «пермиссивизм», основанный на признании соизмеримости эпистемических и прагматических ценностей («*Commensurability Permissivism*»): прагматические интересы могут перевесить эпистемические обязанности, но только на уровне всеобъемлющего долженствования («*all-things-considered ought*»), а не в рамках эпистемической сферы [Steup, 2021, 17-18]. Это позволяет сохранить «чистоту» эвиденциализма, признавая при этом сложность реальных

когнитивных контекстов.

Таким образом, Стиап развивает умеренную версию деонтологического эвиденциализма, которая:

- избегает бесконечных обязанностей через приоритезацию сознательно выделяемых пропозициям;
- исключает тривиальные убеждения через критерий информативной уместности и эпистемической успешности;
- сохраняет автономию эпистемических норм, отвергая радикальный пермиссизм;
- допускает гибкость через докастическое опущение и ограниченное взаимодействие с прагматикой.

В этой системе содержание эпистемических обязанностей определяется через эвиденциальное подкрепление, активное рассмотрение и информативную уместность убеждений. Выполнение этих условий служит необходимым индикатором деонтологической обоснованности убеждений, обеспечивая их соответствие рациональным нормам. Однако, как показывает анализ, даже наиболее устойчивая версия эвиденциализма («CF-Ограниченный Эвиденциализм») требует дополнительных критериев, теоретической доработки и адаптации к широкому спектру познавательных ситуаций.

Определение объема интеллектуальных обязательств: «*Debes, ergo potes*» VS. «ролевые обязательства» и «эпистемические идеалы»

В одной из своих работ [Галухин А.В., Спор об истинностной проводимости..., 2024] я выделил две стратегии определения объема релевантных интеллектуальных обязательств, которые применяются в дискурсе эпистемической деонтологии.

Классический принцип деонтологии: «*Debes, ergo potes*»

Первая стратегия: определение объема релевантных обязательств на основе формального принципа «*Debes, ergo potes*» («Ты должен, значит можешь»). Субъект признается ответственным за действия и состояния, которые способен контролировать, производить и поддерживать. Объем обязательств, относительно исполнения которых устанавливается мера ответственности субъекта, определяется на основе того, что разумно было бы ожидать от субъекта в условиях данной ситуации: «Обоснованно порицать кого-либо за убеждения можно только в том случае, если эти убеждения проистекают определенным образом из невыполнения того, что разумно было бы ожидать от человека; простого несоответствия идеальным стандартам недостаточно» [Alston. 1988, 286] Пределы того, что разумно было бы ожидать от человека, т.е. пределы редукции *объективных обязательств*, выявляются исходя из уникальной комбинации компетенций (способностей, диспозиций) и объективных возможностей, которые субъект мог бы использовать, если бы обладал знанием своей ситуации. Принцип «*Debes, ergo potes*» (DeP), хотя и ограничивает ответственность когнитивными ресурсами агента, оставляет нечёткими критерии «разумных ожиданий», особенно в контексте культурных и индивидуальных различий. Современные программы развития эпистемической деонтологии реформируют этот классический подход к определению объема релевантных обязательств и установлению меры ответственности субъекта, привнося в него определенные модификации, такие как:

- *контекстуальная релятивизация обязательств*: объем интеллектуальных обязательств варьируется не только в зависимости от компетенций субъекта, но и от конкретного

- эпистемического контекста (доступность информации, временные ограничения, социальная среда);
- *динамическая природа компетенций*: диспозиции субъекта не являются статичными, а развиваются со временем, что влечет за собой изменение объема обязательств, т.е. субъект может нести ответственность не только за текущий уровень компетенций, но и за их развитие;
 - *градуированная безупречность*: вместо бинарного понимания безупречности (субъект либо безупречен, либо нет), можно говорить о степенях безупречности, соответствующих уровню соблюдения релевантных обязательств.

Формально для признания безупречности достаточно, чтобы субъект не нарушил никакие интеллектуальные обязательства, которые разумно можно было бы ему вменить, исходя из его возможностей и ожидаемого поведения в конкретных познавательных ситуациях. Однако, как показывает обсуждение вопроса о том, является ли деонтологическое обоснование истинностно-проводимым, формальное и отрицательное понимание безупречности имеет своим следствием выхолащивание нормативно-критериального содержания этого концепта, что делает его irrelevantным для оценки, собственно, эпистемических качеств убеждений [Галухин А.В., Спор об истинностной проводимости..., 2024, 34-36]. Подход к определению меры ответственности субъекта за культивирование убеждений, отвечающих стандартам эпистемического качества, должен опираться на презумпцию рациональной агентности, верификация которой является необходимым условием назначения каких-либо интеллектуальных обязательств. Признание значимости этой презумпции подразумевается второй стратегией.

Ролевые обязательства: подход Р.Фельдмана

Вторая стратегия: определение обязательств через установление функционально-ролевых атрибутов статуса агента. Объектом анализа являются объективная роль и статус, который можно приписать субъекту, например, статус рационального агента. Р. Фельдман выделяет особую категорию «ролевых обязательств», связанные с выполнением роли рационального агента, где человек обязан культивировать свои убеждения на основании разумных доводов и доступных свидетельств – индикаторов вероятной истинности, выделяемых субъектом: «Эпистемические "долженствования" описывают правильный способ исполнения роли... Мы "должны" следовать свидетельствам, потому что это соответствует нашему статусу познающих субъектов» [Feldman, 2000, 676].

Концепция ролевых обязательств была предложена в ответ на критику доксистического волюнтаризма – допущения, что субъект обладает способностью эффективно контролировать собственные убеждения (в радикальных интерпретациях этого допущения эффективная контролируемость убеждений имплицитно подразумевает способность «думать по-иному»). Позиция Фельдмана выражает комплексную функцию, связывающую оценку безупречности (деонтологическое измерение) с оценкой качества формирования убеждений, где соответствие убеждений подкрепляющим их свидетельствам выступает конститутивной нормой (эпистемологическое измерение), независимо от волевых ограничений. В этой модели эпистемические обязательства позиционируются как неизбежные, объективные и связанные с самой природой когнитивной агентности, что предполагает деонтологическую структуру в эпистемологии — обязанности возникают из природы самой роли, а не из контингентных обстоятельств.

Разумные идеалы познания: подход Х. Корнблита

Х. Корнблит критически переосмыслил подход, основанный на идее «ролевых долженствований», и предложил альтернативную модель, в рамках которой эпистемические обязательства обосновываются не через статус или роль агента, а через *эпистемические идеалы*, представляющие собой нормативные стандарты оптимальных когнитивных практик. Недостаток ролевой модели в том, что она неспособна объяснить, почему эпистемические обязательства (например, "должен верить обоснованно") обладают *категорической* нормативной силой, в отличие от условных ролевых предписаний, которые обладают исключительно условной нормативной силой, действующей лишь в пределах соответствующей роли [Kornblith, 2001, 238]. Кроме того, определенные роли могут быть практически или эпистемически неприемлемыми в своей основе, - в таких случаях даже оптимальное исполнение роли не гарантирует соответствия фундаментальным стандартам, что демонстрирует недостаточность ролевого подхода для обоснования универсальных нормативных позиций. Идеалоцентрический подход, в рамках которого определение интеллектуальных обязательств осуществляется на основе общезначимых идеалов познания, является более предпочтительным, чем подход, основанный на выделении ролевых долженствований.

Во-первых, эпистемические идеалы должны находиться в диалектическом отношении к человеческим возможностям. С одной стороны, они должны обладать достаточной степенью реализуемости, чтобы сохранять регулятивную функцию; с другой стороны, они не должны быть излишне релятивизированы к индивидуальным ограничениям субъектов познания: «Идеалы призваны играть определенную роль в направлении действий, и идеал, совершенно не учитывающий человеческие ограничения, тем самым утрачивает способность выполнять конструктивную направляющую функцию. В то же время наши идеалы не могут быть настолько тесно связаны с возможностями конкретных индивидов, чтобы мы упускали из виду, что некоторые люди в определенные моменты неспособны действовать идеальным образом. Здесь существует обширная средняя область, где и следует искать разумные идеалы» [Kornblith, 2011, 238]. Во-вторых, в отличие от ролевых предписаний, эпистемические идеалы характеризуются категорической нормативной силой, не зависящей от контингентных факторов социального функционирования субъекта. Например, требование «эпистемический агент должен формировать убеждения на основе адекватных свидетельств истинности» сохраняет нормативную значимость вне зависимости от статуса или институциональной принадлежности субъекта. Наконец, Корнблит демонстрирует, что предлагаемая концепция позволяет эффективно преодолеть традиционные критические аргументы против деонтологической эпистемологии, в частности, возражения Уильяма Алстона и Алвина Плантинги относительно недостаточности волевого контроля над убеждениями. Идеал-ориентированный подход сохраняет нормативность эпистемических требований даже при признании ограниченности добровольного контроля над процессами формирования убеждений [Ibid.].

Таким образом, идеал-ориентированный подход обладает рядом преимуществ:

Универсальность: Идеалы применимы ко всем познающим субъектам, а не только к носителям ролей.

Реалистическая оптимальность: Идеалы избегают как "невозможного перфекционизма", так и "чрезмерно низких стандартов", выражая оптимальное соотношение нормативной строгости и когнитивной реалистичности.

Когнитивно-научная основательность: Деонтологическая концепция эпистемического обоснования должна опираться на когнитивную науку, так как идеалы должны отражать реальные человеческие возможности. Как поясняет Корнблит, «идеал, который может служить жизнеспособной основой для деонтологической концепции эпистемического обоснования, таким образом требует определенного эмпирического обоснования. Необходимо показать, что есть основания полагать, как минимум, что данный идеал занимает то, что я называю обширной средней областью между идеалами, полностью нечувствительными к человеческим возможностям (и тем самым устанавливающими недостижимо высокие стандарты, неспособные выполнять свою направляющую функцию), и теми, которые настолько ограничены возможностями агента, что устанавливают настолько низкие стандарты, что предлагают идеал, недостойный наших устремлений.» [Kornblith, 2011, 239]

Общий алгоритм определения объема эпистемических обязательств и меры ответственности субъекта

В некоторых работах по эпистемической деонтологии представлены попытки выработать общий алгоритм поэтапного использования различных стратегий определения объема обязательств: презумпция рациональной агентности, выражающая базовое допущение относительно возможностей совмещения субъективных обязательств с объективным велением долга, должна «работать» в комбинации с классическим принципом «Debes, ergo potes» (DeP), предполагающим установление ответственности в границах того, что разумно было бы ожидать от субъекта в условиях конкретного типа познавательных ситуаций. Как уже было показано в одной из моих работ, такой алгоритм мог бы состоять из двух последовательных шагов:

(1) на первом шаге «определяется сферу должного для субъекта, исходя из его роли как познавателя, что предполагает введение стандартов доксистической дисциплины, состроенных с нормами реализации познавательного отношения, заданными независимо от контекста, - за стандарт принимается такой тип или способ культивирования убеждений, который способствует достижению эпистемически значимых целей» [Галухин А.В., Спор об истинностной проводимости..., 2024, 24];

(2) далее, исходя из презумпции рациональной агентности субъекта, априорно необходимой для установления каких-либо обязательств, относительно принятого стандарта намечается зона ответственности субъекта: в соответствии с принципом «Debes, ergo potes» (DeP) определяется комплекс релевантных интеллектуальных обязательств, выполнение которых является необходимым для обоснования убеждений в деонтологическом смысле [Галухин А.В., Спор об истинностной проводимости..., 2024, 24-25]. Применение этого принципа *в идеале* предполагает такую когнитивно-ситуативную адаптацию объема назначаемых обязательств, которая не нарушает условие нормативно-эпистемической релевантности последних – условие достаточности выполнения этих обязательств в заданном объеме для того, чтобы достигался такой деонтический статус убеждений, который имплицитно связывает рациональности и вероятной истинности.

Но принцип DeP подлежит дальнейшей спецификации, исходя из условий реализации определенного типа контроля над убеждениями (например, контроля руководства, условия возможности которого раскрываются в рамках компатибилистского решения проблемы деонтологически адекватной контролируемости убеждений).

Концептуально-парадигматические формулы деонтологического определения эпистемической обоснованности

Формула деонтологического определения критериев обоснованности, спецификация которых производится относительно нормативно релевантного содержания обязательств, выстраивается сообразно различным квалификатором ответственного подхода субъекта к культивированию собственных доксистических установок. Показательным в этом плане является различие и соотнесение «*проскриптивно-разрешительной*» и «*деонтически-оценочной*» формул, - первая принимает за основу принцип разрешения - эпистемической легитимации убеждений, который при определенных условиях (таких, например, как наличие конклюдивных оснований, в отношении которых субъект в достаточной мере обладает способностями рецептивности и реактивности) может быть преобразован в императивное утверждение обязанности поддерживать убеждения, а вторая – «оценочная» формула – оперирует деонтически-оценочным понятием *безупречности* и является, по признанию ряда эпистемологов, наиболее адекватной для деонтологического определения статуса обоснованности.

Согласно умеренной - «разрешительной» формуле, утверждать, что убеждение субъекта *S*, что *p*, является в момент времени *t* деонтологически обоснованным, не означает, что субъект *S* в этот момент *обязан* верить, что *p* (хотя такое императивное положение также является осмысленным и применимым, особенно в условиях неотвратимой очевидности и при наличии конклюдивных оснований, который вполне распознаются субъектом), но означает лишь, что субъекту *S* в момент времени *t* вполне *позволительно* полагать, что *p*, т.е. формирование и/или удержание убеждения с таким содержанием в данный момент времени *не является нарушением каких-либо релевантных правил или принципов*, исходя из которых в другой ситуации, когда, например, отсутствуют надлежащие основания для того, чтобы полагать, что *p*, для субъекта *S* возникла бы обязанность воздерживаться от поддержания такого убеждения.

Проскриптивно-разрешительная формула выражения условий деонтологического обоснования

Общий смысл деонтологической концепции обоснования, согласно У.Олстону, заключается в применении такой стратегии оценки пропозициональных установок субъекта познания, которая состоит в том, чтобы «рассматривать положительный оценочный статус определенного убеждения как заключающийся в том факте, что, придерживаясь этого убеждения, субъект выполнил свои обязательства или воздержался от их нарушения» [Alston, 1989, 84], и все это для того, чтобы достигнуть цели, которая с эпистемической точки зрения, т.е. с позиции ориентации на знание, является фундаментальной. Такая фундаментальная цель состоит в том, чтобы максимизировать истинностное содержание и минимизировать ложность в наибольшем массиве убеждений, поскольку только истинные убеждения могут составлять первичную доксистическую основу знания. В отношении к этой фундаментальной цели (обозначим ее аббревиатурой ЕР) формулируется базовое понятие эпистемического долга, поскольку увеличение истинностного содержания и минимизация ошибочности в наибольшем массиве убеждений представляется не только основополагающим принципом целеориентации для субъекта, который связывает культивирование убеждений с активными притязаниями на знание, но выступает также как предмет долженствования, что можно выразить в форме

своеобразного гипотетического императива, на основании которого устанавливается дисциплина познавательно целесообразного обращения с пропозициями и элементами доксистической сферы:

Если субъект выступает автором и модератором собственных убеждений, исходя из ориентации на достижение знания, то субъект должен придерживаться стратегии EP.

Так определяется базовое обязательство субъекта познания, и, как замечает Олстон, оно может получать спецификацию через «множество более конкретных обязательств, которые обязаны своим статусом тому факту, что их выполнение будет способствовать достижению этой центральной цели. Такие обязательства могут включать в себя воздержание от полагания, что p , при отсутствии достаточных оснований, и принятие того, что представляется явной импликацией чего-то, в чем вы уже убеждены (или что является предметом убеждения, которое, возможно, уже является обоснованным)» [Alston, 1989, 86].

Итак, в качестве канонически-исходного выражения концептуальной формулы деонтологического обоснования можно рассматривать такое положение:

(DCEJ) *Убеждение субъекта S , что p , является в момент времени t деонтологически обоснованным, если и только если приверженность убеждению с таким содержанием в данный момент времени не является нарушением каких-либо релевантных правил или принципов, регулирующих условия реализации интенции на истину, заложенной в природе убеждений, и подчиняющих дисциплину формирования и поддержания убеждений принципам эпистемической целесообразности.*

Понятно, что посредством «релевантных правил и принципов» экспликацию получают эпистемические нормы, т.е. такие нормы, которые применяются для регулирования когнитивной сферы и оценивания убеждений с точки зрения того, что представляет самостоятельную познавательную ценность (например, поддержание убеждений на основе адекватных свидетельств истинности) и соотносится с телеологически-конститутивными принципами познавательной деятельности. Раскрывая значение проскриптивно-разрешительной формулы деонтологического обоснования, Олстон связывает достижение положительного деонтического статуса убеждений с выполнением субъектом интеллектуальных обязательств, содержание которых всецело определяется принципами, обеспечивающими познавательно целесообразное регулирование доксистической сферы: «В рамках деонтологической концепции обоснования принципы будут *запрещать* убеждения, сформированные таким образом, что они с высокой вероятностью окажутся ложными, и либо *разрешать*, либо требовать убеждения, сформированные таким образом, что они с высокой вероятностью окажутся истинными.» [Alston, 1988, 258 -259]

Формулу эпистемико-деонтологической обоснованности (DCEJ) можно выразить более определенно, исходя из специфики эпистемических принципов и опираясь на нормативно закреплённое представление о том, какие убеждения являются желательными в плане оптимизации возможностей достижения знания.

(DCEJ_{permission}) *Убеждение S в том, что p , является доксистически обоснованным в момент t , если и только если усвоение и/или поддержание убеждения, что p , не запрещено (разрешено) эпистемическими принципами (а именно – принципами, которые позволяют культивировать только такие убеждения, которые формируются таким образом, что они вполне вероятно являются истинными). Именно в этом ключе идею деонтологической обоснованности истолковывает А.Голдман - последовательный критик деонтологического интернализма: «эпистемические деонтологи обычно утверждают, что обоснованность веры в пропозицию p заключается в интеллектуальной обязанности или разрешении верить в p ; а необоснованность*

убеждения в том, что p , состоит в отсутствии разрешения или прямом запрете верить в p » [Goldman, 1989, 273].

Следует, однако, заметить, что с этим положением согласился бы не только сторонник, собственно, деонтологической теории обоснования, но и многие эпистемологи, развивающих теорию обоснования как специфический раздел нормативной эпистемологии. Так, например, эвиденциалист, также мог бы вывести круг релевантных обязательств, адресованных субъекту познания, исходя из эпистемической нормы, утверждающей *допустимость* признания и закрепления на уровне убеждений только таких пропозиций, относительно истинности которых в распоряжении субъекта имеются доступные и надежные свидетельства, что отображено в основном положении эвиденциалистской теории обоснования: «Индивид S имеет эпистемическое обоснование для веры в утверждение p в момент времени t в том и только в том случае, если вера в p согласуется со всей совокупностью свидетельств, доступных S на момент t » [Feldman and Conee, 1985, 15]). Позицию эвиденциалиста также можно было бы выразить в деонтологических терминах, не изменяя основного ее концептуального содержания: *Убеждение S в том, что p , является доксамтически обоснованным в момент t , если и только если усвоение и/или поддержание убеждения, что p , не запрещено базовым эвиденциалистским принципом (т.е., не нарушает принцип, разрешающий принимать нечто за истину и культивировать убеждения только при наличии доступных субъекту релевантных и достаточных свидетельств истинности пропозиции, составляющей предмет убеждения).*

Концептуальная апория деонтологического определения критериев обоснованности

Н. Ноттельман справедливо заметил, что основная проблема с канонической формулировкой ($DCEJ_{\text{permission}}$) основного положения деонтологической теории обоснования, предложенной, в частности, Олстоном, заключается в том, что такая формулировка не является содержательно достаточной для того, чтобы существенным образом выделить и отличить, собственно, деонтологическую теорию от других теорий эпистемического обоснования [Nottelmann, 2013, 2221-2222]. Получается, что практически любая теория обоснования, выделяемая в спектре интерналистских подходов, утверждая критерий, норму или принцип, исходя из которых устанавливается обоснованность, на уровне терминов и понятий может быть редуцирована к системе деонтологических положений. И фактически «любой эпистемолог, понимающий эпистемическую обоснованность (EJ) как состоящую в том, что убеждение удовлетворяет определенному специфическому стандарту N , мог бы выразить свою позицию так: в моей концепции EJ не допускается никакое убеждение, противоречащее стандарту N . В результате разрешительная версия деонтологического критерия эпистемического обоснования (DCEJ) оказывается неспособной выделить именно деонтологическое понимание EJ". [Nottelmann, 2013, 2222].

Для того, чтобы выделить деонтологическую теорию из эпистемологического ландшафта и раскрыть специфику ее концептуального содержания, Ноттельман предлагает произвести некоторые уточнения языка этой теории и посредством мета-анализа определить условия адекватного использования деонтических терминов в суждениях, выражающих квалификацию статуса обоснованности. Для этого он предлагает ввести два ограничения.

(1) Условие недостаточности недеонтических выражений (NNDSC): «*Никакое высказывание, содержащее только недеонтические термины, не имеет логическим следствием высказывание, утверждающее эпистемическую обоснованность убеждений субъекта*» [Ibid.].

Ноттельман замечает, что такое ограничение не исключает возможности достижения на концептуальном уровне определенной совместимости деонтологический высказываний с дискурсом эвиденциалиста: в последнем случае суждение, квалифицирующее обоснованность, является логическим следствием суждений, в которых утверждается, что убеждение основано на адекватных свидетельствах, и для эвиденциалиста остается открытой возможность выражения условий «адекватности» и признания «свидетельства» в деонтических терминах. Но ограничение (NNDSC) представляется еще недостаточно сильным, ибо оно совместимо с положением, что ни одно интересное с эпистемологической точки зрения утверждение не является следствием утверждения о статусе обоснованности. Поэтому для усиления деонтологического тезиса относительно эпистемического обоснования предлагается ввести следующее ограничение:

(2) Деонтологическое следствие (DE): «Любое утверждение относительно обоснованности убеждения субъекта, логически влечет за собой утверждение, применяющее деонтические предикаты к субъекту (например, «...нарушил определенные обязательства», «...достоин порицания за то, что...» и т. д.)» [Nottelmann, 2013, 2223].

Следует заметить, что имплицитное признание значимости условия (DE) отражено и в языке более ранних деонтологических теорий, которые трансформировали систему понятий, применяемых в рамках суждений относительно статуса обоснованности, и утверждали релевантность языку, используемому для выражения этого статуса, деонтически-оценочных терминов, таких как «безупречность», «ответственность», «виновность», «предосудительность», но это именно термины, подходящие для квалификации позиции (поведения) субъекта относительно нормативных ограничений и требований, задающих дисциплину доксистических установок. Так, например, К.Гине оперировал как понятием обязательства, так и понятием безупречности, - согласно классическому определению Гине, «субъект [эпистемически] обоснованно поддерживает уверенность [т.е. убеждение] в том, что р, если и только если неверно, что субъект не должен поддерживать уверенность в том, что р; субъект не мог бы быть справедливо упрекаем за то, что он верит, что р» [Ginet, 1975, 27]. Гине далее замечает, что, несмотря на то, что из того, что нечто разрешено, не следует, что субъект должен это делать (из того, что уверенность субъекта в том, что р, является оправданной, не следует, что субъект должен культивировать в себе уверенность, что р), могут быть обстоятельства такого свойства, что они не только конститутивны для того, чтобы сделать оправданной уверенность субъекта, но также достаточны для того, чтобы «обязать его быть уверенным в том смысле, что он будет достоин некоторого осуждения, если не будет питать уверенность» [Ibid.].

Деонтически-оценочная формула: безупречность как оценочная категория эпистемической деонтологии

У. Олстон, развивая критику деонтологической концепции эпистемического обоснования, исходил в итоге из анализа принципов этой концепции в терминах безупречности – «свободы от предосудительности в отношении усвоения определенной пропозициональной установки» [Alston, 1989, 152]. Деонтически оценочные термины, такие как «безупречность», могут быть использованы для введения альтернативной формулировки принципа обоснованности. Следуя этой же линии анализа, Ноттельман выражает деонтически-оценочную формулу следующим определением:

«DCEJ_{blame}: Необходимо, что агент *S* в момент *t* оправданно убежден, что *p*, если и только если *S* нельзя винить за то, что он верит в *p* в момент *t*. [Nottelman, 2013, 2237].

В этой альтернативной трактовке обоснованность убеждений функционально связывается с *безупречностью* позиции субъекта (DCEJ_{blameworthiness}) перед лицом правомерно обращенных к нему (именно как к субъекту познания) требований и назначаемых обязательств, а в более сильном смысле - с *ответственным* подходом к обращению пропозиций в предмет убеждений или отбрасыванию тех или иных доксистических установок в рамках нормативно основательной политики отбора возможных претендентов на знание.

М.Стиап также различает два варианта определения обоснованности в деонтологических терминах, но при этом он пытается раскрыть возможности конвергенции смыслов двух соответствующих деонтически-квалифицирующих суждений [Steup: 2012, 461 - 462]:

Jd1: *S* обоснованно верит, что *p* = *df* положение дел таково, что *S* не должен воздерживаться от того, чтобы верить, что *p*. (Данная формулировка, как видно, совпадает с DCEJ_{permission}).

Jd2: *S* обоснованно верит, что *p* = *df* положение дел таково, что *S*, полагая, что *p*, безупречен, т.е. не заслуживает порицания. (Данная формулировка возводит состояние обоснованности к безупречности).

Установление эквивалентности этих формулировок представляется возможным только при условии принятия одного из вариантов понимания безупречности в противовес другому. Так, Jd2 эквивалентно Jd1, если позиция субъекта в отношении признания *p* является безупречной, поскольку расходится с нормой, определяющей, каким должно быть отношение субъекта к пропозиции *p* в обстоятельствах такого рода, т.е., если безупречность позиции *S* в отношении к *p* понимается в том смысле, что *S* не должен верить (полагать, культивировать убеждение), что *p*. Однако если безупречность понимать в том смысле, что *S* не заслуживает порицания за признание (непризнание) того, что *p*, то в этом случае никак нельзя утверждать эквивалентность Jd1 и Jd2 [Steup: 2012, 462]

Более того, если безупречность трактовать как «свободы от состояния, достойного порицания», не вводя в семантику этого определения никаких эпистемологически значимых ограничений, то утверждение о безупречности может быть осмысленным (например, критерием безупречности может быть наличие контингентных *оправдывающих обстоятельств*, в силу которых верования первобытных народов кажутся вполне оправданными), но эта деонтически-оценочная квалификация будет абсолютно иррелевантна контексту решения вопросов, собственно, эпистемического обоснования (например, вопросов выделения факторов, которые служили бы надежными индикаторами вероятной истинности убеждений, или вопросов эпистемически адекватной базируемости, означающей, что основания для убеждений, выполняющие правильную каузальную роль в их формировании, гарантируют или обеспечивают с достаточной степенью вероятности надежное «сцепление с истиной»). Иными словами, определение безупречности позиции субъекта в отношении собственных доксистических установок по такому критерию, как наличие произвольных оправдывающих обстоятельств, приводит к неверному выводу, что всякий раз, когда у агента есть резонное оправдание для того, чтобы поддерживать такие убеждения, этого достаточно, чтобы считать убеждения деонтологически обоснованным, хотя на самом деле наличие дисклеймеров ответственности не является конститутивно значимым условием, достаточным, чтобы убеждения имели какое-либо положительное эпистемически релевантное обоснование.

Гибридный подход Р. Ауди: генетическая ответственность и эпистемическая добродетельность

В рамках синтеза деонтологического подхода и эпистемологии добродетелей Роберт Ауди формулирует систему критериев, позволяющих оценить степень ответственности субъекта и его соответствие стандартам интеллектуальной безупречности в отношении собственных убеждений. Один из критериев связывает безупречность с выполнением требования *содержательной адекватности* (соответствия предмета убеждений свидетельствам, что предполагает адекватную базируемость и эвиденциальную подкрепляемость), а другой – с *процессуальной добросовестностью* (ответственным подходом к формированию убеждений, проявляющем интеллектуальные добродетели). Введение этих критериев позволило Ауди провести категориальное различие между двумя видами ответственности: ответственность субъекта за то, во что субъект верит, которая устанавливается деривативно – на основе увязывания убеждений с эвиденциальными основаниями, и *генетическая ответственность*, которая устанавливается в меру способности субъекта управлять процессом формирования убеждений, следуя стандартам интеллектуально-добродетельного поведения. [Audi, 2008, 404]

Во-первых, интеллектуальная ответственность и безупречность определяются в плане содержательной адекватности убеждений условиям их эвиденциального подкрепления. Убеждение считается эпистемически безупречным в содержательном плане, если оно базируется на доступных субъекту основаниях, которые, в соответствии с эпистемическими нормами, являются адекватными и достаточными (конститутивными для оснований являются доказательства, эмпирические данные, логические выводы). При этом ключевым параметром оценки выступает пропорциональность уверенности субъекта силе имеющихся свидетельств: избыточная уверенность в гипотезе, не подкреплённой достаточными доказательствами, так же нарушает безупречность, как и неоправданный скептицизм в отношении хорошо обоснованных положений.

Во-вторых, генетическая ответственность устанавливается исходя из оценки того, насколько последовательно при формировании убеждений соблюдаются стандарты интеллектуальной добродетели. *Деонтологическая обоснованность* является функционально производной от *процессуальной добросовестности*, которая предполагает ответственность субъекта за методы формирования убеждений, требуя активного поиска и критической оценки свидетельств, включая тестирование контраргументов и избегание когнитивных искажений, таких как предвзятость или игнорирование противоречивых данных. Данный критерий подразумевает необходимость достижения рефлексивного равновесия — гармонизации убеждений в рамках целостной системы знаний субъекта, что минимизирует внутренние противоречия и способствует когерентности эпистемических практик [Audi, 2008, 414]. Таким образом, деонтологическая оценка убеждений, согласно концепции Ауди требует учитывать *безупречность* в плане установления соответствия убеждений доступным свидетельствам и соблюдения *стандартов интеллектуальной добродетели* в процессе их формирования.

Интеллектуальный долг разумного познавателя: субъективные и объективные интеллектуальные обязательства

При концептуальной экспликации принципа деонтологической обоснованности следует последовательно проводить различие между *обязательствами в субъективном смысле* и

объективным велением эпистемического долга, - если определять деонтический критерий обоснованности, принимая за основу понятие *безупречности*, то без различения *субъективной и объективной модальностей* долженствования соответствующая этому понятию деонтически-оценочная квалификация позиции субъекта оказывается настолько неоднозначной, что встает вопрос об *эпистемологической адекватности* самой деонтологической концепции обоснования. При анализе ситуаций, в которых достижение безупречности эквивалентно выполнению обязательств, необходимо проводить различие между тем, в чем действительно состоит обязательство («объективное веление долга»), и тем, как субъект представляет (истолковывает в знакомых ему категориях) содержание вменяемых ему обязательств. Так, например, позиция субъекта, который не выполнял роль рачительного агента или ответственного исследователя, положенную ему нормами отношений или действий, регулирующих конкретный тип ситуаций, может быть квалифицирована как небезупречная, поскольку *фактически не сделано то, что объективно должно было быть сделано*, чтобы сложилось то положение дел, которое соответствует эффективному выполнению этих ролей, - в данном случае не исполнено объективное обязательство. Однако, как заметил А. Плантинга, проводя аналогию с моральными обязанностями, «вы виновны или заслуживаете порицания, если не исполняете свою субъективную обязанность, но не обязательно виновны за неисполнение объективного долга. Вина, надлежащее порицание, справедливая подверженность осуждению — всё это связано с нарушением субъективной обязанности» [Plantinga, 1993, 16]. Так, например, когнитивные ограничения и ситуативные условия, которые представляют для субъекта факторы непреодолимой силы, в том смысле, что субъект объективно (по независящим от него причинам) не в состоянии их преодолеть или предотвратить, могут выполнять роль, аналогичную той, которая обычно отводится *оправдывающим обстоятельствам*. В случае субъективных обязательств квалификация безупречности, как и определение степени ответственности («небезупречности»), обусловлены тем, насколько субъект последовательно выполняет обязательства, *диапазон* которых изначально *ограничен тем, как субъект понимает то, в чем состоит его долг*, и *что было бы разумно ожидать от субъекта в конкретной познавательной ситуации*.

Но очевидно также, что субъект не может на регулярной основе выполнять то, в чем состоит объективное веление долга, полагаясь исключительно на *субъективное произвольно достигаемое понимание* того, в чем состоит его долг. Для субъекта содержание обязательств должно быть так или иначе объективировано - выражено через систему общезначимых правил и требований, специфицирующих императивное содержание нормы. Но это обстоятельство само по себе *не гарантирует субъекта от ошибки* в понимании того, в чем состоит его основное обязательство и какое правило следует применять в конкретной (познавательной или практической) ситуации. Более того, одного лишь субъективного понимания того, в чем состоит долг, недостаточно для возникновения обязательств, исполнение которых является делом ответственности субъекта. Как отмечает Р.Локки, «деонтическое понимание обоснования, плюс принцип «должен, значит может» приводят к угрозе того, что агента никогда не удастся уличить в том, что его убеждения не обоснованы, даже когда он радикально заблуждается, если он просто не в состоянии осознать тот факт, что он заблуждается. Решение этой проблемы для интерналиста заключается в проведении различия между «абсолютным» и «практическим» обоснованием - между выполнением «объективных» и «субъективных» обязанностей» [Lockie, 2016, 135].

Проблема связи субъективных обязательств и объективного долженствования

Определенный вектор решения этой проблемы специально выделен А. Плантингой в контексте изучения вопроса о классических деонтологических истоках интерналистской программы в эпистемологии. Так, помимо объективного веления долга, так или иначе понимаемого субъектом, основные условия, при которых для субъекта возникают определенные обязательства, за исполнение которых он любом случае несет ответственность, определяются в системе основополагающих факторов нормальности: (i) предполагается, что человек, которому вменяется ответственность, есть нормально сформировавшееся существо с надлежащим образом функционирующими когнитивными способностями; другим условием является (ii) наличие непогрешимо сформированного убеждения относительно того, в чем состоит долг, убеждения, выработанного на базе адекватного применения способностей (и, следует также добавить, на базе интересубъективного опыта). Исходя из допущения нормальности можно понять, почему, например, о человеке, который усвоил себе убеждение, что его долг состоит в том, чтобы причинять страдания другим, вполне оправданно утверждается, что он культивирует это убеждение либо вследствие какого-то когнитивно-функционального расстройства и недостатка морального развития личности, либо вследствие какой-то произвольно совершенной ошибки, которую никак нельзя считать невинной. В моральной сфере, как замечает Плантинга, «существует большой класс случаев, в которых правильно функционирующий человек может просто увидеть (при прочих равных условиях), что определенный образ действий неверен» [Plantinga, 1993, 19]. В таких случаях как бы сама природа (нормальная «когнитивная конституция» человека) в определенном смысле обеспечивает гарантии правильного понимания человеком того, в чем состоит объективное веление долга, - относительно такого класса случаев обоснованным является утверждение, что объективный долг и субъективная обязанность совпадают. На материале анализа классических теорий познания Плантинга показывает, что именно «совпадение объективного и субъективного долга в познавательной сфере является движущей силой классического интернализма Декарта и Локка» [Plantinga, Ibid.].

Так, в теории познания Декарта в качестве нормы рационально-познавательной активности выступает положение, выражающее условия достоверности, которая доступна разумному существу: «все, что мы постигаем ясно и отчетливо, тем самым — в силу такого рода постижения — истинно», - положение это в его нормативной значимости становится основой для определения того, в чем состоит объективное веление долга разумного познавателя, при этом оно полагается также доступным для уразумения субъектом, составляя, таким образом, субъективную обязанность, и трансформируется в базовый императив, следование которому предохраняет от заблуждения и удерживает человека на верном пути к знанию. Если бы человек не последовал бы правилу достоверности, т.е., не обладая ясным и отчетливым восприятием того, что истинно, позволил себе что-либо утверждать, либо отрицать, то такой человек «неправильно воспользовался бы своей свободой воли» [Декарт, 1994, 49], и это можно было бы ставить ему в вину, ибо «естественному свету очевидно, что интеллектуальное восприятие всегда должно предшествовать решению воли». Дж. Локк, отличая теорию знания от теории убеждений, также указывает на объективный долг разумного существа, который с его точки зрения состоит в том, чтобы пользоваться «данными от Бога светом и способностями» и стараться «открыть истину при помощи имеющихся у него средств и дарований» [Locke, 2011, 688]; в рамках этого задания для разумного существа полагается определенная дисциплина

культивирования убеждений, основное правило которой состоит в том, чтобы «давать твердое согласие уму», т.е. принимать нечто за истину, не иначе как на «достаточном разумном основании»; соответственно, человек, который пренебрегает этим правилом, уклоняется от своего долга («преступает против своего собственного света и злоупотребляет теми способностями, которые были даны ему»), - «такой человек должен отвечать за все свои ошибки» [Ibid.]. Следовательно, в теории Локка, как и в эпистемологии Декарта, утверждение принципов регулирования сферы убеждений имплицитно *допускает совпадение объективного долга с субъективной обязанностью*: то, в чем объективно состоит долг человека как разумного существа, совпадает с тем, что составляет предмет субъективно значимых обязательств, неисполнение которых подрывает безупречность и порождает виновность. Абстрагируясь от специфических различий метафизических позиций Декарта и Локка, можно было бы утверждать, что это совпадение обеспечено самой природой. В исследовании Плантинги такое совпадение представляется фундаментальным фактом, мотивирующим приверженность принципам *интернализма* в теории обоснования.

Деонтология и интернализм в теории обоснования

Ряд представителей аналитической эпистемологии, такие как Р. Чизом и К. Гине, а также М. Стиап и Н.Ноттельман, следуя классической традиции, положительно восприняли идеи эпистемического деонтологизма и использовали принципы деонтологического подхода для разработки проблемы эпистемического обоснования, руководствуясь пониманием того, что деонтологический подход *мотивирует приверженность позициям интернализма*, с которых в классической эпистемологии решался вопрос о релевантных факторах обоснования, и в определенном смысле подкрепляет эти позиции.

Раскрывая логику перехода от деонтологизма к интернализму, А. Голдман представил реконструкцию комплексного аргумента, демонстрирующего, что «руководяще-деонтологическая концепция обоснования» (GD-концепция), принятая в классических теориях знания, имплицитно позиционирует позицию, согласно которой релевантными для обоснования являются только такие условия и факторы, которые являются доступными – распознаваемыми из собственной перспективы субъекта. Парадигмальный статус «руководящей концепции обоснования» в классической эпистемологии определялся спектром ее задач как нормативной дисциплины, которая должна дать «правила для руководства умом» (Декарт), или, выражаясь словами Голдмана, обеспечить надежную «процедуру докастических решений», т.е. задать правила и стандарты, которыми следует руководствоваться при определении того, во что мы должны верить и какие убеждения и гипотезы поддерживать, когда пределом разумных стремлений выступает знание. Голдман показывает, что именно комбинация деонтологического осмысления статуса агента (признание долга и ответственности разумного существа) с руководящими принципами докастических решений создает рациональную основу для утверждения интернализма.

Аргумент состоит в следующем:

1. *Комбинация деонтологического подхода с руководящей функцией обоснования.* С одной стороны, обоснование предполагает выработку и отбор содержания убеждений в соответствии с руководящими принципами (руководящая функция), с другой стороны, обоснование связано с выполнением эпистемических обязанностей (деонтологическая функция): «Деонтологическая концепция, особенно в сочетании с концепцией руководства, рассматривает как эпистемическую обязанность человека определять свои докастические

установки (убеждения) в соответствии с имеющимися свидетельствами или иными факторами, определяющими статус обоснованности пропозиции в конкретный момент времени» [Goldman, 1999, 273] Под «статусом обоснованности» Голдман подразумевает обоснованность в объективном – пропозициональном смысле; под «факторами, определяющими статус обоснованности», подразумеваются факторы, указывающие на вероятную истинность пропозиции.

2. *Требование доступности (KJ) факторов, определяющих статус обоснованности.* Чтобы агент мог полностью исполнить то, что должен, сообразуясь с эпистемическими нормами, требующими, чтобы убеждения базировались на адекватных основаниях, факты или состояния дел, которые оправдывают убеждение (так называемые «обоснования» или justifiers), должны быть *доступными* – то есть агент должен иметь возможность узнать (или определить), имеют ли место эти факты или положения дел, или нет. Данное требование выражается посредством введения условия распознаваемости (KJ): «Единственными фактами, которые могут служить обоснованиями убеждения агента в том, что p в момент времени t , являются те факты, относительно которых агент может в момент t непосредственно узнать, имеют ли они место или нет.» [Goldman, 1999, 274] Действительно, вполне правомерным является вопрос: *Как агент может выполнить обязанности, если он не способен определить, что они требуют и каковы показатели надлежащего исполнения долга?* Если факторы обоснования недоступны (например, агент не осознаёт свои когнитивные искажения или не имеет доступа к ключевым данным), он не может сознательно следовать эпистемическим нормам, но именно императивное содержание норм подлежит спецификации в определении того, что составляет предмет обязательств в данной ситуации. В таком случае было бы неправильно полагать агента ответственным за невыполнение обязанностей, поскольку он лишён инструментов для их реализации и ресурсов понимания того, насколько он последователен.

3. *Внутренние и внешние факты.* Различаются факты, доступные распознаванию из собственной («внутренней») перспективы субъекта, и факты внешние, такие, которые не удовлетворяют условию когнитивной доступности.

Внутренние факты (например, сознательные состояния, сохраненные убеждения) соответствуют требованию KJ, - это условия, которые агент может непосредственно узнать или в наличии которых может удостовериться (посредством рефлексии, интроспекции и памяти).

Внешние факты – это такие, о которых агент может не иметь возможности узнать, поскольку они находятся вне его непосредственного когнитивного доступа или требуют знаний, находящихся за пределами компетенций, реализуемых в его внутренней перспективе (например, объективная надежность когнитивного процесса).

Вывод: Поскольку GD-концепция требует, чтобы агент знал факты и положения дел, которые служат факторами обоснования (ибо только при наличии такого знания он может следовать своему эпистемическому долгу), то только те факты, которые доступны агенту (то есть факты, распознаваемые из собственной перспективы субъекта), могут служить обоснованиями. Таким образом, «руководяще-деонтологическая концепция обоснования» даёт основание для утверждения интернализма в теории обоснования. Заметим, однако, что сам Голдман раскрывает концептуальные и гносеологические изъяны этого аргумента: требование доступности (KJ) не исключает внешние факторы, дополнительные ограничения (например, прямая познаваемость) не имеют обоснования в импликациях GD; интернализм сталкивается с неразрешимыми проблемами (забытые свидетельства, вычислительная сложность, зависимость от априоризма).

Проблема докастического волюнтаризма

Деонтологический интернализм вводит в теорию обоснования принцип сознательной отчетливости и доступности эвиденциально значимых факторов – оснований для убеждений, что положительно коррелирует с допущением *достаточно эффективной контролируемости докастической сферы*, отправляясь от которого классические деонтологи определяют условия, при которых, согласно принципу «Debes, ergo potes», только и можно осмысленно говорить об обязательствах и ответственности субъекта познания и оперировать деонтически-оценочными квалификаторами позиции субъекта в контексте установления того, являются ли его убеждения в эпистемико-деонтологическом смысле обоснованными. Но именно это докастическо-волюнтаристическое допущение, согласно которому субъект способен сознательно-волевым образом определять состав собственных убеждений, т.е. произвольно усваивать одни убеждения, а если необходимо – воздерживаться от усвоения и культивирования других, стало объектом систематической критики со стороны ряда эпистемологов, которые доказывали концептуальную несостоятельность *докастического волюнтаризма* (Б.Уильямс), демонстрировали психологическую невозможность прямого базового контроля над докастическими установками (У.Олстон) и раскрывали основания для сомнения в деонтологической адекватности доступных субъекту форм косвенного контроля над различными классами убеждений, формирующихся либо на основе той или иной формы опыта (восприятие, интроспекция, воспоминание, интуиция), либо посредством дискурсивно-мыслительных процессов (рассуждений, включающих аргументацию).

Однако критический анализ аргументации против докастического волюнтаризма выявляет ряд существенных изъянов, связанных с неоправданным отождествлением произвольности с игнорированием принципа истинности, редукцией убеждений к логическим пропозициям, абсолютизацией идеала рациональности и смешением концептуальной и психологической невозможности. В работах современных эпистемологов (Стиап, Локки, МакКормик, Ноттельман), включая работы автора этой статьи [Галухин А.В., Гносеологические изъяны ..., 2024, 3-28], были выявлены гносеологические изъяны ряда стандартных аргументов, разработанных для критики докастического волюнтаризма, и представлены не только доказательства эффективной деонтологически достаточной контролируемости широких классов убеждений, но и альтернативные (например, компатибилистские) подходы к утверждению докастической ответственности субъекта, соизмеримой по объему с комплексом эпистемически релевантных обязательств, исполнение которых рассматривается как деонтологически базовый критерий обоснованности. Особенно продуктивным направлением теоретического развития деонтологической концепции является компатибилистский подход, который демонстрирует совместимость эпистемической ответственности с эвиденциальной детерминацией убеждений. Компатибилистские модели, основанные на эпистемологической адаптации концепции руководящего контроля, которая отличается от концепции регулятивного контроля тем, что не требует возможностей думать и полагать по-иному и является совместимой с детерминизмом, предлагают альтернативную парадигму: эпистемическая ответственность реинтерпретируется через новую систему условий, включающих (1) инкорпорацию когнитивных механизмов, посредством которых вырабатываются убеждения, в структуру идентичности субъекта (условие собственности когнитивных механизмов), и (2) диспозицию к тому, чтобы формировать и поддерживать убеждения, регулярно демонстрируя достаточную респонсивность к разумным основаниям (условие чувствительности к разумным основаниям) [Галухин, 2023, 5-32]. В этой парадигме даже перцептивно детерминированные убеждения

обращают деонтически-нормативный статус, сообразный условиям признания ответственности субъекта, не через прямую сознательную генерацию, предполагающую синхронический контроль, а посредством их интеграции в архитектуру агентства, где *восприимчивость* и *реактивность* в отношении к *разумным основаниям* сочетается с *историческим признанием субъектом собственности этих механизмов*, подразумевающим принятие ответственности за результаты их работы. Параллельно концепция косвенного контроля (Р. Ауди, Х.Корнблит, Н. Ноттельманн) артикулирует поливалентность эпистемического менеджмента доксистических установок, смещая фокус с онтологии убеждений на регулятивно-праксеологические аспекты их формирования — от регуляции внимания и методологической рефлексии до проактивного структурирования информационных ландшафтов. В рамках этого направления обосновывается деонтологическая релевантность — достаточность для утверждения ответственности субъекта — различных формы косвенного контроля и влияния, нацеленных на культивирование эпистемически ценных свойств убеждений через задействование высших исполнительных функций сознания [Lockie, 2018, 56-57] и управление когнитивными диспозициями, процессами мышления, работой с информацией и ситуативными контекстами [Nottelmann, 2007, 172-175], что позволяет в итоге применять критерии деонтически-нормативной оценки без допущения радикального доксистического волюнтаризма. Диахроническая перспектива, объединяющая принципы *рационального акцентуализма* и *процессуального интернализма*, завершает теоретическую реконфигурацию проблемы деонтологически достаточной контролируемости убеждений. Ответственность реконцептуализируется здесь не как атрибут отдельных доксистических актов, а как имманентное свойство когнитивного предприятия, протяжённого во времени. Ретроспективная верификация обоснованности, проспективная ориентация на идеалы конклюдентности и метарефлексивная коррекция спонтанных убеждений формируют циклический механизм легитимации, трансформирующий антиномию «волюнтаризм vs. детерминизм» в континуум рациональной агентности. Таким образом, эпистемический этос реализуется не в момент генезиса убеждения, а через его постоянную реинтеграцию в динамическую систему обязательств, где контроль проявляется как функция рациональной архитектуры, сочетающей чувствительность к эвиденциальным факторам, управление познавательными процессами и культивирование эпистемических добродетелей. Современная деонтологическая концепция, преодолевая ограничения ранней критики, утверждает достаточность косвенных и рефлексивных форм контроля, что позволяет сохранить нормативный статус убеждений без опоры на допущение относительно произвольной детерминации их содержания.

Проблема истинностной проводимости деонтологического обоснования

Другая - эпистемологическая линия критики, представленная аргументами экстерналистов (Олстон, Гольдман), ставит под вопрос эпистемологическую состоятельность деонтологической концепции обоснования, указывая на то, что применение деонтически-оценочных критериев в порядке обоснования убеждений не предполагает выявления объективных индикаторов вероятной истинности: выполнение интеллектуальных обязательств, будучи формально безупречным, не гарантирует, что убеждения формируются и поддерживаются на эпистемически адекватной основе, то есть такой основе, которая обеспечивала бы надежное сцепление убеждений с истиной. Проблема особенно остро проявляется в примерах культурной изоляции и когнитивных ограничений, где субъект может безупречно соблюдать доступные ему

эпистемические нормы, но тем не менее культивировать убеждения, которых базируются на сомнительных основаниях.

В ответ на эту критику защитники деонтологической концепции предлагают ряд концептуально-аналитических и теоретико-эвристических решений.

Ключевой тезис У. Олстона о том, что ДКО не обеспечивает «сцепления с истиной», актуализирует проблему соотношения нормативной безупречности и объективной надёжности оснований [Alston 1988, 284-294]. Критический анализ и реконструкция аргументации Олстона выявляют её концептуальную амбивалентность. Критика Олстона, подкрепляемая примерами культурной изоляции и когнитивной ограниченности [Alston, 1989, 95-96], оказывается уязвимой в силу смешения теоретической ответственности (оценка эпистемических дефектов) с социальной оправданностью, что подменяет нормативно-эпистемологический дискурс контекстуальным релятивизмом. Смещение теоретической ответственности (эпистемический дефект убеждений) и социального оправдания (контекстуальная невинность агента) ведёт к формализации понятия безупречности, лишая его эпистемологической значимости. Как я показал в одной из своих работ, установление «деонтологической обоснованности исключительно за счет выделения оправдывающих обстоятельств, которые препятствуют формированию убеждений на эпистемически адекватной основе, показывает, что Олстон, применяя деонтически-оценочный концепт безупречности формально, допускает такие дисклеймеры ответственности, которые не только сокращают объем обязательств, но лишают их эпистемически-нормативного содержания» [Галухин А.В., Спор об истинностной проводимости, 2024, 18.].

Наиболее последовательная аргументация в защиту ДКО строится на переосмыслении ключевых эпистемологических категорий — *истинностной проводимости и вероятности* — с позиций интернализма, поскольку именно требование когнитивной доступности факторов и условий, конститутивно значимых для обоснования, соответствует деонтологическому подходу в его классической версии. Концептуально-аналитическую основу этой линии защиты деонтологической концепции обоснования составляет различение двух видов вероятности - фактической и эпистемической – и демонстрация положения, что именно эпистемическая вероятность имеет принципиальное значение для обоснования убеждений, построенного по стандартам деонтологического интернализма.

Фактическая (объективно-статистическая) вероятность отражает онтологическую связь убеждения с истиной в реальном мире, независимо от знаний субъекта.

Эпистемическая (эвиденциально-условная) вероятность определяется доступными субъекту свидетельствами и рациональной обработкой данных, интегрируемых в эвиденциальный базис убеждений. [Steup, 1996, 80]

В ответ на критику ДКО, указывающую на нарушение истинностной проводимости, деонтологи признают, что обоснование, построенное на основе применения деонтически-оценочных критериев, не гарантирует достижение *фактической истинностной проводимости*, т.е. не позволяет сделать заключение к вероятной истинности на основе индикаторов фактической вероятности, поскольку такие индикаторы выходят за рамки когнитивной перспективы субъекта, относительно которой выделяются факторы, значимые для обоснования и которая принимается в расчет при оценке интеллектуальной безупречности. Деонтологи отвергают претензию Олстона о необходимости связи обоснованности с фактической вероятностью, - *эпистемические обязанности* (например, следование эвиденциальным нормам, проверка противоречий) не требуют онтологических гарантий истины. Убеждение может быть

деонтологически обоснованным, даже если оно ложно, при условии, что субъект выполнил все рационально ожидаемые от него процедуры, соответствующие предмету интеллектуальных обязательств. Так, например, М. Стиап утверждает, что деонтологическая концепция оперирует исключительно эпистемической вероятностью, так как её задача — оценить *нормативную безупречность* субъекта, исходя из того, как субъект использовал доступные ему когнитивные ресурсы, а не гарантировать объективную истинность. Деонтологически модифицированному эвиденциализму соответствует понятие *эпистемической истинностной проводимости*, которая обеспечивается установлением правильного соответствия убеждений доступным свидетельствам: «Деонтологически обоснованные убеждения не обеспечивают *фактической истинностной проводимости* (т.е. прямой связи с объективной истиной), да и не обязаны этого делать. Однако они обладают *эпистемической истинностной проводимостью* — будучи вероятными в свете доступных свидетельств, — и именно такие убеждения мы предпочитаем, если стремимся к достижению истины» [Steup, 1996, 84]. Поддержание убеждений на основе установления правильной связи их с эвиденциальным базисом, который сознательно формируется или раскрывается посредством рефлексии, является условием достижения позитивного эпистемического статуса, который описывается в терминах условной вероятности, определяемой в рамках когнитивного горизонта субъекта. Сама структура эпистемических обязанностей исключает возможность их выполнения без опоры на эпистемическую вероятность. Если субъект обязан верить лишь тому, что подкреплено свидетельствами, то логически невозможно считать убеждение обоснованным, если оно противоречит доступным данным, и ответственность возникает уже на уровне определения того, какие данные составляют эвиденциальный базис. В этой системе отношений эпистемическая вероятность превращается в необходимое условие деонтологической безупречности. Деонтологическая модель обоснования косвенно - *мотивационно и операционально* - способствует регулярному сцеплению убеждений с истиной, оптимизируя возможности её достижения через безупречное исполнение интеллектуальных обязательств, предполагающее систематическое следование эвиденциальным нормам.

Критика Олстона, сводящая обоснованность к утилитарной цели достижения истины, игнорирует регулятивную функцию ДКО как системы норм, обеспечивающих интеллектуальную коммуникацию и критическую рефлексию. Деонтологические обязательства, такие как эвиденциальная проверка и метакогнитивный мониторинг, не гарантируют истину, но минимизируют эпистемические риски в долгосрочной перспективе, аналогично правилам научного метода. ДКО не претендует на гарантии фактической истинности, но утверждает связь обоснованности с эпистемической вероятностью — рациональной оптимизацией убеждений относительно доступных свидетельств. В этом аргументативно насыщенном дискурсе раскрывается самостоятельная ценность *рациональности*: даже в условиях когнитивных ограничений безупречное выполнение объема интеллектуальных обязательств предполагает соблюдение норм, которые, будучи конститутивными в плане спецификации содержания этих обязательств, полагаются условиями *познавательно целесообразной оптимизации процедур систематического отбора и критической ревизии убеждений*, что гарантирует обоснованность «доксастических решений», предотвращая догматизм и иррациональность.

Реабилитация деонтологической концепции обоснования требует баланса между универсальными эпистемическими стандартами и контекстуальными ограничениями. Принцип «*Debes, ergo potes*» («должен, значит можешь») задаёт границы ответственности, но не отменяет

требования критической агентивности — способности субъекта пересматривать убеждения в свете новых свидетельств. Как демонстрирует концепция «приземлённой рациональности» Р. Локки, даже в культурно ограниченных условиях субъект сохраняет возможность рефлексии, что исключает оправдание «невинной иррациональности» [Lockie, 2018, 30].

Таким образом, деонтологическая концепция обоснования сохраняет свою значимость как нормативно-оценочная система, потенциал которой раскрывается не только в плане установления эпистемического статуса убеждений, исходя из ряда деонтических критериев, таких как ответственность и безупречность, но и в плане интеграции принципов нормативной правильности и агентивной ответственности как условий обеспечения регулятивного фундамента развития познавательных практик.

Заключение

Деонтологический подход к обоснованию, восходящий к классической эпистемологической традиции, представляет собой особую парадигму оценки эпистемического статуса убеждений, в которой критерии обоснованности определяются главным образом в деонтических терминах, выражающих агентивность и ответственность субъекта познания: ключевой особенностью деонтологического понимания обоснованности является его нормативно-оценочный характер, выраженный в применении таких категорий как «долг», «обязательство», «ответственность», «безупречность», «предосудительность» к позиции субъекта в отношении формируемых или поддерживаемых им убеждений. Концептуальный фундамент данного подхода составляет представление о познавательной деятельности как форме сознательной активности субъекта, подлежащей нормативной регуляции с целью оптимизации условий конвертации убеждений в знание.

Ключевые принципы деонтологизма — такие как акцент на сознательном контроле над убеждениями и нормативно-руководящая функция эпистемических правил — нашли своё отражение в классических теориях Декарта, Локка и их последователей, где обоснованность интерпретировалась через систему деонтически-значимых категорий, которым соответствуют показатели ответственности и безупречности субъекта перед лицом эпистемического долга и тех обязательств, которые обосновываются как подобающие статусу разумного существа. В деонтологической парадигме критерием обоснованности выступает то, насколько хорошо при формировании и поддержании убеждений субъект выполняет свой долг, т.е. демонстрирует ответственное отношение к «императивам», «разрешениям» или «запретам», установленным, исходя из норм, регулирующих доксистическую сферу познавательно целесообразным образом, — именно показатели ответственного отношения субъекта к интеллектуальным обязательствам и безупречного выполнения эпистемического долга становятся критериально значимыми для определения того, насколько поддерживаемые субъектом убеждения являются обоснованными.

Различаются две основные концептуальные формулы определения деонтологических критериев: *проскриптивно-разрешительная* ($DCEJ_{\text{permission}}$), где обоснованность означает, что при культивировании убеждений соблюдается режим проскрипций, т.е. поддержание убеждений разрешено нормам и правилам доксистической дисциплины, и *деонтически-оценочная* ($DCEJ_{\text{blameworthiness}}$), где обоснованность связывается с безупречностью позиции субъекта.

Достоинства проскриптивно-разрешительной формулы ($DCEJ_{\text{permission}}$):

- умеренный характер требований к субъекту познания;

- возможность трансформации в императивную форму при наличии конклюдентных оснований;

- ясная ориентация на эпистемическую цель (максимизация истины, минимизация лжи);
- прозрачная связь с системой эпистемических обязательств;
- совместимость с широким спектром эпистемологических подходов.

Ограничения проскриптивно-разрешительной формулы ($DCEJ_{permission}$):

- недостаточная специфичность для выделения собственно деонтологической теории (как указывает Ноттельман);

- допускает редукцию деонтологического определения критериев обоснованности к недеонтологическим стандартам и принципам;

- не отражает в полной мере идею эпистемической ответственности субъекта.

Достоинства деонтически-оценочной формулы:

- признается наиболее адекватной для деонтологического определения статуса обоснованности;

- акцентирует ответственность субъекта за свои убеждения;
- вводит более сильный нормативный элемент в квалификацию обоснованности;
- лучше отражает специфику собственно деонтологического подхода;
- предполагает использование развитого аппарата оценочных понятий (безупречность, ответственность, виновность).

Ограничения деонтически-оценочной формулы ($DCEJ_{blame}$):

- риск смешения эпистемических и неэпистемических оснований безупречности;
- без должной спецификации может привести к релятивизации критериев обоснованности;
- возможность оправдания ошибочных убеждений на основе контингентных обстоятельств;
- неоднозначность интерпретации безупречности.

Разрешительная формула применима, когда:

- требуется установить минимальные стандарты допустимости убеждений;
 - важна эпистемическая цель (ориентация на истину в ее регулятивной значимости);
 - необходимо определить базовые правила когнитивной дисциплины;
 - оценивается соответствие убеждений доступным субъекту свидетельствам;
- анализируется приемлемость методов формирования убеждений.

Оценочная формула применима, когда:

- акцент делается на ответственном подходе субъекта к своим убеждениям;
- оценивается нормативная квалификация позиции субъекта;
- требуется более сильная деонтическая характеристика убеждений;
- важен аспект безупречности выполнения интеллектуальных обязательств;
- необходимо учесть способность субъекта следовать эпистемическим нормам.

Две канонические формулы деонтологического обоснования можно рассматривать как спецификацию интегрального принципа ответственности, который я формулирую следующим образом: ($DCEJ_{responsibility}$) *Убеждение субъекта S в том, что p, является деонтологически обоснованным в момент времени t, если и только если S проявляет ответственное отношение к своим обязательствам, содержание которых определяется исходя из диспозиций, заложенных в эпистемических нормах, а объем - согласно классическому принципу «Debes, ergo potes».*

Однако специфика деонтологической модели проявляется лишь при условии введения метанормативных ограничений, исключающих редукцию её содержания к недеонтическим критериям, - введение таких ограничений в идеале должно обеспечить фундамент для

категориально основательного отличия деонтологической концепции обоснования от иных эпистемологических подходов, таких, например, как эвиденциализм, даже если принципы этих подходов допускают деонтологическую интерпретацию. Но именно в проведении такой демаркации состоит существенная трудность концептуального плана: возможно ли при построении семантики языка эпистемической деонтологии избежать переопределения деонтических терминов через термины и понятия, специфические для недеонтологических интерналистских теорий? Такая трудность косвенным образом обнаруживается, например, в неоднозначности того положения, которое У. Олстон выдвигает в качестве оптимальной формулы условий деонтологического обоснования, соответствующей типу когнитивных обязательств, с выполнением которых связывается обоснованность (*S деонтологически обоснованно убежден, что p, если и только если S обоснованно убежден, что у него имеются адекватные основания для того, чтобы полагать, что p*).

Ключевым достижением деонтологической концепции обоснования является её способность интегрировать эпистемическую ответственность в структуру рациональности. Как показано в работах К.Гине, Р. Чизома, Р. Фельдмана, М. Стиапа и У.Олстона, обоснованность связывается не с индикаторами объективной вероятности и гарантиями истины, устанавливаемыми безотносительно к перспективе субъекта, а с *безупречностью*, квалифицируемой по таким критериям как полнота и качество выполнения комплекса интеллектуальных обязательств, установленных сообразно нормам познавательной дисциплины, главная из которых выражает требование поддерживать убеждения на адекватных основаниях, релевантных условиям реализации эпистемических ценностей.

Различные подходы к определению содержания интеллектуальных обязательств балансируют между нормативной строгостью, прагматической реализуемостью и учетом когнитивных ограничений. В классе основных подходов приоритетно выделяются:

- классический эвиденциализм (Р. Фельдман, М. Стиап);
- синхронический эвиденциализм с элементами деонтологизма (Фельдман);
- модифицированный деонтологический эвиденциализм (М. Стиап);
- промежуточный рефлексивный подход (Стейплфорд, МакКейн);
- экспансионистская стратегия (Р. Ауди, Х. Корнблит), обеспечивающая основания для установления генетической доксистической ответственности.

На основе сравнительного анализа этих подходов можно сделать следующие выводы:

Нормативная строгость vs. Практическая реализуемость:

Классический эвиденциализм и подход Стиапа акцентируют нормативную строгость, но сталкиваются с проблемой невыполнимости.

Промежуточный подход и экспансионизм предлагают более гибкие модели, жертвуя универсальностью норм.

Роль рефлексии:

Рефлексия (DTR) у Стейплфорда/МакКейна и генетическая ответственность у Ауди/Корнблит расширяют понятие эпистемического долга, но усложняют критерии оценки.

Информативность vs. Формальная обоснованность:

Введение критерия «уместности» (Стиап) позволяет избежать тривиальности, но требует субъективной оценки.

Автономия эпистемических норм:

Все подходы стремятся сохранить автономию эпистемических обязательств, но Стиап и Стейплфорд/МакКейн допускают ограниченное взаимодействие с прагматикой.

Определение содержания эпистемических обязательств остается проблемой баланса между нормативной строгостью и когнитивно-практическими ограничениями. Модифицированный эвиденциализм Стиапа и промежуточный подход Стейплфорда/МакКейна представляют наиболее устойчивые модели, объединяя деонтологическую ригористичность с прагматической гибкостью. Однако для полного решения проблемы требуется интеграция динамических аспектов познания (например, долгосрочных стратегий) и уточнение критериев «эпистемической успешности» и «информативной ценности».

Принципиально значимым для понимания деонтологической обоснованности является рассмотрение проблемы интеллектуальной ответственности и безупречности в контексте культурно обусловленных норм и когнитивных ограничений субъекта. Эпистемологически состоятельная интерпретация деонтологического обоснования требует не только соответствия локальным нормам, но и соблюдения *транскультурных стандартов рациональности*, что предполагает *критическую рефлексию* субъекта в отношении собственных доксастических установок и *диахронически-перспективную экспансию* его возможностей, сообразно которым определяет круг релевантных обязательств, с исполнением которых связывается достижения статуса обоснованности.

Систематическая критика деонтологической концепции обоснования выявила нормативные противоречия деонтологии, которые проявляются в двух аспектах:

- разрыв между обязанностью и возможностью: принцип «*Debes, ergo potes*», хотя и ограничивает ответственность когнитивными ресурсами агента, оставляет нечёткими критерии «разумных ожиданий», особенно в контексте культурных и когнитивных различий;

- интернализм vs. экстернализм: требование доступности (KJ), исключая внешние факторы (например, надёжность процессов и механизмов формирования убеждений), сужает объём обоснований, признаваемых деонтологически значимыми, что ставит вопрос о совместимости деонтологической концепции с экстерналистскими критериями, связывающими индикаторы истинности с условиями фактической вероятности.

Но эпистемологическое значение ДКО заключается не в обеспечении номологических гарантий истины, а в формулировке регулятивного этоса познавательной деятельности. Деонтологическая концепция предлагает не столько инфантилистскую модель обоснования, сколько *нормативную структуру, оптимизирующую рациональный менеджмент доксастических установок в условиях ситуативных когнитивных ограничений*, - деонтологически-ответственный подход к культивированию убеждений, в рамках которого производится регулярная операционализация этой нормативной структуры, провизионально увеличивает вероятность достижения истины в долгосрочной перспективе.

Деонтологическая модель обоснования обладает рядом характеристик, обеспечивающих её эпистемологическую состоятельность:

- *интерналистская релевантность*: фокус на рациональной перспективе субъекта и доступных ему основаниях позволяет деонтологическому подходу адекватно отражать когнитивную ситуацию познающего субъекта, что особенно важно в контексте эпистемической оценки его познавательной деятельности;

- *нормативная адекватность*: деонтологическая модель способна устанавливать стандарты рационального формирования убеждений, учитывающие нормативную природу познавательной деятельности, - эти стандарты не только регулируют процесс формирования убеждений, но и обеспечивают критерии для оценки их качества;

- *когнитивная реалистичность*: учет фактических познавательных возможностей субъекта позволяет деонтологическому подходу избегать нереалистичных требований к познающему

субъекту, - принцип «*Debes, ergo potes*» («долженствование предполагает возможность») ограничивает объем эпистемических обязательств, вменяемых исходя из верифицируемой презумпции рациональной агентности, сферой того, что субъект способен был бы выполнить при соответствующей комбинации когнитивных диспозиций и возможностей, что делает деонтологическую модель теоретически основательно и психологически релевантной;

- *транскультурная применимость*: деонтологический подход *в идеале* способен сочетать учет локальных эпистемических норм с универсальными стандартами рациональности, что позволяет преодолеть как релятивизм, так и догматический универсализм в понимании эпистемических обязательств, обеспечивая баланс между культурной чувствительностью, когнитивной ограниченностью и нормативной строгостью.

Деонтологическая концепция эпистемического обоснования демонстрирует устойчивость к критике благодаря своей способности к развитию и переосмыслению ключевых понятий контроля, ответственности и нормативности.

Заключение

Значение эпистемического деонтологизма для «постгеттиеровской» эпистемологии состоит в сохранении акцента на рациональной агентности субъекта познания и разработке нормативных моделей ответственного формирования убеждений в условиях неопределенности и ограниченности доступных свидетельств. Эпистемологические программы, в которых реализуется деонтологический подход к экспликации нормативного содержания понятия обоснования, следует рассматривать не как исторически преходящий этап в развитии теорий обоснования, а как самостоятельное направление развития эпистемологических исследований, соединяющее классические идеалы рациональности с запросами на обеспечение регулятивно-оценочного базиса познавательной деятельности.

Библиография

1. Галухин А.В. Апории компатибилистского решения проблемы докастической ответственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 7А. С. 5-32.
2. Галухин А.В. Гносеологические изъяны критики докастического волюнтаризма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 1А. С. 3-28. DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001
3. Галухин А.В. Спор об истинностной проводимости деонтологического обоснования: критика аргумента от эпистемической обделенности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 5А. С. 18-46.
4. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.
5. Alston, William P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. Epistemology. Pp. 257-299.
6. Alston, William P. *Epistemic Justification. Essays in the Theory of Knowledge*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. 355 p.
7. Audi, Robert. The Ethics of Belief: Doxastic Self-Control and Intellectual Virtue // *Synthese*. 2008. Vol. 161. No. 3. Epistemic Deontology (Apr., 2008). Pp. 403-418.
8. Baehr, Jason. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 235 p.
9. Clifford, William K. The Ethics of Belief // In: Gerald D. McCarthy (ed.) *The Ethics of Belief Debate*. Atlanta: Scholars Press, 1987. Pp. 19-36.
10. Conee, Earl and Feldman, Richard. Evidentialism. *Essays in Epistemology*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 321 p.
11. Feldman, Richard and Conee, Earl. Evidentialism // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1985. Vol. 48. No. 1 (Jul.). Pp. 15-34.
12. Feldman, Richard. The Ethics of Belief // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. LX. No. 3 (May). Pp. 667-695.

13. Ginet, Carl. Knowledge, Perception, and Memory. Dordrecht: Reidel, 1975. 212 p.
14. Goldman, Alvin I. Internalism Exposed // *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96. No. 6 (Jun.). Pp. 271-293.
15. Kornblith, Hilary. Justified Belief and Epistemically Responsible Action // *The Philosophical Review*. 1983. Vol. 92. No. 1 (Jan.). Pp. 33-48.
16. Kornblith, Hilary. Epistemic Obligation and the Possibility of Internalism // In: Abrol Fairweather and Linda Zagzebski (eds.) *Virtue Epistemology: Essays on Epistemic Virtue and Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 231-248.
17. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding* / Ed. with a foreword by Peter H. Nidditch. Oxford: Clarendon Press, 2011. 748 p.
18. Lockie, R. Perspectivism, Deontologism and Epistemic Poverty // *Social Epistemology*. 2016. Vol. 30. No. 2. Pp. 133-149. DOI: 10.1080/02691728.2014.990281
19. Lockie, R. *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
20. Nottelmann, N. *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. Dordrecht: Springer, 2007. 278 p.
21. Nottelmann, Nikolaj. The deontological conception of epistemic justification: a reassessment // *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 2219-2241.
22. Plantinga, Alvin. *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 228 p.
23. Stapleford, Scott and McCain, Kevin. Bound by the Evidence // In: Kevin McCain and Scott Stapleford (eds.) *Epistemic Duties. New Arguments, New Angles*. New York: Routledge, 2021. Pp. 113-124.
24. Steup, M. *An Introduction to Contemporary Epistemology*. New Jersey: Prentice Hall, 1996. 232 p.
25. Steup, M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin: De Gruyter, 2012. Pp. 461-485.
26. Steup, M. Epistemic Duty, Justified Belief, and Voluntary Control // In: Kevin McCain and Scott Stapleford (eds.) *Epistemic Duties. New Arguments, New Angles*. New York: Routledge, 2021. Pp. 7-28.

The Conceptual Framework of Deontological Approaches to Epistemic Justification

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The article elaborates on the categories and principles of the deontological conception of epistemic justification which originates in classical epistemology and has become a subject of critical reflection in contemporary epistemological discourse. According to the epistemologically meaningful deontological criteria, beliefs are to be regarded as epistemically justified if (and only if) in forming and sustaining these beliefs the agent impeccably complies with the "imperatives," "permissions," or "prohibitions" prescribed by norms that rationally guide the doxastic domain toward epistemically appropriate outcomes. Thus, deontological conception of epistemic justification relates criteria for determining the justificatory status of the beliefs to the indicators of the agent's responsible attitude toward intellectual obligations and the flawless fulfillment of epistemic duties. Two principal conceptual frameworks of deontological justification are analyzed: the prescriptive-permissive model and the deontic-evaluative model, with their respective merits, limitations, and scopes of applicability delineated. The article examines diverse approaches to defining the content of intellectual obligations, including classical and modified evidentialism,

reflective methodologies, and expansionist strategies. It raises the question of the necessary linkage between subjective obligations and the objective duty of a rational epistemic agent. The critical analysis reveals the controversial assumptions underlying the deontological conception of justification and identifies its' limitations related to the serious issues, such as the issue of doxastic voluntarism and the problem of the truth-conduciveness of justification. The latter is discussed within the framework of the demarcation between internalist and externalist approaches to the explication of the concept of justification. It is demonstrated that the epistemological significance of the deontological conception lies not in securing guarantees of truth but in articulating the regulative ethos of cognitive activity. The epistemological viability of the deontological model is substantiated through its internalist relevance, normative adequacy, cognitive realism, and cross-cultural applicability.

For citation

Galukhin A.V. (2025) Konceptual'nye kontury deontologicheskoy jeksplikacii principa jepistemicheskoy obosnovannosti [The Conceptual Framework of Deontological Approaches to Epistemic Justification]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (5A), pp. 3-38.

Keywords

Deontological conception of epistemic justification, epistemic subject, rational agency, doxastic attitudes, intellectual obligations, epistemic norms, doxastic voluntarism, truth-conduciveness.

References

1. Alston, William P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology, pp. 257-299.
2. Alston, William P. (1989) *Epistemic Justification. Essays in the Theory of Knowledge*. Ithaca and London: Cornell University Press.
3. Audi, Robert (2008) The Ethics of Belief: Doxastic Self-Control and Intellectual Virtue. *Synthese*, Vol. 161, No. 3, *Epistemic Deontologism* (Apr., 2008), pp. 403-418.
4. Baehr, Jason (2011) *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
5. Clifford, William K. (1987) The Ethics of Belief. // In: Gerald D. McCarthy (ed.) *The Ethics of Belief Debate*, Atlanta: Scholars Press, pp. 19-36.
6. Conee, Earl and Feldman, Richard (2004) *Evidentialism. Essays in Epistemology*. Oxford: Clarendon Press.
7. Descartes, René (1994) *Works in 2 Volumes: Translated from Latin and French*. Vol. 2 / Compiled, edited and annotated by V.V. Sokolov. Moscow: Mysl.
8. Feldman, Richard and Conee, Earl (1985) Evidentialism. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 48, No. 1 (Jul., 1985), pp. 15-34.
9. Feldman, Richard (2000) The Ethics of Belief. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. LX, No. 3 (May, 2000), pp. 667-695.
10. Galukhin, A.V. (2023) Aporii kompatibilistskogo resheniya problemy doksasticheskoy otvetstvennosti [Aporias of the Compatibilist Solution to the Problem of Doxastic Responsibility]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 5-32.
11. Galukhin, A.V. (2024) Gnoseologicheskie iz'yany kritiki doksasticheskogo volyuntarizma [The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 3-28.
12. Galukhin, A.V. (2024) Spor ob istinnostnoy provodimosti deontologicheskogo obosnovaniya: kritika argumenta ot jepistemicheskoy obdelennosti [Controversy over the Truth-Conduciveness of Deontological Justification: The Criticism of Epistemic Poverty Argument]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (5A), pp. 18-46.
13. Ginet, Carl (1975) *Knowledge, Perception, and Memory*. Dordrecht: Reidel.

14. Goldman, Alvin I. (1999) Internalism Exposed. *The Journal of Philosophy*, Vol. 96, No. 6 (Jun., 1999), pp. 271-293.
15. Kornblith, Hilary (1983) Justified Belief and Epistemically Responsible Action. *The Philosophical Review*, Vol. 92, No. 1 (Jan., 1983), pp. 33-48.
16. Kornblith, Hilary (2001) Epistemic Obligation and the Possibility of Internalism. // In: Abrol Fairweather and Linda Zagzebski (eds.) *Virtue Epistemology: Essays on Epistemic Virtue and Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, pp. 231-248.
17. Locke, John (2011) *An Essay Concerning Human Understanding*. Edited with a foreword by Peter H. Nidditch. Oxford: Clarendon Press.
18. Lockie, R. (2016) Perspectivism, Deontologism and Epistemic Poverty. *Social Epistemology*, Vol. 30, No. 2, pp. 133-149. DOI: 10.1080/02691728.2014.990281
19. Lockie, R. (2018) *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic.
20. Nottelmann, N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. Dordrecht: Springer.
21. Nottelmann, Nikolaj (2013) The deontological conception of epistemic justification: a reassessment. *Synthese*, Vol. 190, pp. 2219-2241.
22. Plantinga, Alvin (1993) *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press.
23. Stapleford, Scott and McCain, Kevin (2021) Bound by the Evidence. // In: Kevin McCain and Scott Stapleford (eds.) *Epistemic Duties. New Arguments, New Angles*. New York: Routledge, pp. 113-124.
24. Steup, M. (1996) *An Introduction to Contemporary Epistemology*. New Jersey: Prentice Hall.
25. Steup, M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin: De Gruyter, pp. 461-485.
26. Steup, M. (2021) Epistemic Duty, Justified Belief, and Voluntary Control. // In: Kevin McCain and Scott Stapleford (eds.) *Epistemic Duties. New Arguments, New Angles*. New York: Routledge, pp. 7-28.